

НЕВЕСТА

— ПО ОШИБКЕ —

ДЛЯ

АЛЬФЫ

ИЗ

КЛЕТКИ

Ксения Соболева

**Невеста по ошибке
для альфы из клетки**

«Литнет»

2026

Соболева К.

Невеста по ошибке для альфы из клетки / К. Соболева —
«Литнет», 2026

Вечно я влипаю. Приехала в специзолятор всего на десять минут - передать документы на освобождение оборотня. А вышла оттуда... законной парой самого опасного альфы города.- Это ошибка! Я ничего не подписывала!- Подписывала, малышка. Кровью.- Я вам не малышка. И жить с вами не буду.- Будешь. Семь дней.- А если я сбегу?- Догоню.- Укусите?- Нет. Сначала научу не разговаривать с хищниками таким тоном.- Семь дней с альфой под одной крышей. Семь дней чужих клыков, криминальных разборок, ревнивых оборотниц и запаха истинной пары, от которого у меня предательски подкашиваются колени. Он говорит, что я его свобода. Я говорю, что он моя самая большая проблема. И оба мы врем. Дорогие читатели, я завела собственный ТГ канал, который называется "Миры Ксении Соболевой". Буду рада, если подпишетесь. Так мы сможем оставаться на связи и быть ближе друг к другу. Канал можно найти через общий поиск. В нем анонсы, размышления, арты и прочее. Буду рада видеть Вас там!♥ властный альфа с тёмным прошлым ♥ дерзкая героиня, которая не умеет молчать ♥ оборотни ♥ истинная пара ♥ фиктивная связь по ошибке ♥ криминал, специзолятор, опасная стая ♥ горячо, эмоционально, с юмором ♥ обязательный Хэппи Энд ВСЕ ГЕРОИ КНИГИ СОВЕРШЕННОЛЕТНИЕ! ВТОРАЯ ЧАСТЬ:

© Соболева К., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Бумажка для зверя	5
Глава 2. Не смотреть в глаза	30
Глава 3. Ошибка в протоколе	56
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Глава 1. Бумажка для зверя

Я всегда знала, что однажды умру из-за собственной доброты. Ну или из-за Маргариты Павловны. В последнее время эти два варианта всё чаще начинали казаться мне одним и тем же, потому что именно Маргарита Павловна, начальница третьего отдела Бюро магического надзора, обладала редким, почти сверхъестественным талантом находить для меня такие поручения, после которых нормальные люди либо писали заявление об увольнении, либо начинали пить успокоительные травяные настойки, либо просто ложились лицом в пол и делали вид, что их не существует. Я, к сожалению, к нормальным людям не относилась. Я была младшим специалистом. А младший специалист - это не должность. Это диагноз, стадия заболевания и, если верить штатному расписанию, почти форма общественно полезного рабства.

Светлова, - позвала Маргарита Павловна, не поднимая головы от планшета.

Я в этот момент стояла у кофейного автомата и пыталась добиться от старой железной дряни стаканчика чего-нибудь коричневого и условно бодрящего. Автомат кашлянул, плюнул паром, подумал о вечном и выдал мне половину стакана мутной жидкости, пахнущей так, будто кофе там когда-то проходил мимо, но не задержался.

Да? - осторожно отозвалась я, уже заранее чувствуя, как рабочий день делает шаг в сторону пропасти.

Съездишь на объект.

Вот так всё обычно и начиналось. Не с раскатов грома, не со зловещей музыки, не с пророчества, написанного кровью на стене, а с фразы «съездишь на объект», сказанной таким тоном, будто меня отправляют забрать канцелярские скрепки из соседнего кабинета. Я посмотрела на часы. Половина одиннадцатого утра. День уже успел начаться, испортиться и перейти в стадию медленного гниения. Внутренний голос сразу лёг на спину, сложил лапки и прошептал: «Не спрашивай, Лиза. Никогда не спрашивай. Когда начальство говорит “объект”, надо улыбаться, кивать и писать завешание».

На какой объект? - спросила я, потому что самосохранение у меня всегда работало с задержкой.

Маргарита Павловна наконец подняла на меня взгляд. Маленькие очки в тонкой оправе, идеальная укладка, сухие губы без намёка на улыбку. Если бы бюрократия однажды решила принять человеческий облик, она выглядела бы именно так: ухоженно, дорого и абсолютно безжалостно.

Специзолятор «Северный контур».

Кофе в моей руке как-то сразу стал тяжелее.

Для оборотней? - уточнила я, хотя прекрасно знала ответ.

У нас много специзоляторов «Северный контур»?

Я надеялась, что да.

Маргарита Павловна вздохнула. Так вздыхают люди, которым приходится руководить идиотами, хотя они с детства чувствовали в себе силы руководить империями.

Не драматизируй, Светлова. Обычная передача документов.

В специзолятор для оборотней особого режима?

Именно.

То есть обычная.

Совершенно.

Я посмотрела на свой стакан с кофе. Потом на начальницу. Потом снова на кофе. Кофе хотя бы честно выглядел опасным.

А почему туда еду я?

Потому что Кравцов на выезде, Дина в архиве, Семёнов заболел, а ты свободна.

Я не свободна. Я работаю.

Ты стоишь у автомата и разговариваешь с кофе.

Мы с ним обсуждаем моё будущее.

Замечательно. Обсудите по дороге.

Она протянула мне тонкую чёрную папку с серебристой печатью Бюро на обложке. Папка выглядела солидно, дорого и неприятно, как приглашение на свадьбу к бывшему, который женится на твоей лучшей подруге. Я не взяла её сразу. Не из храбрости. Просто иногда человеку нужно хотя бы три секунды, чтобы сделать вид, будто у него есть выбор.

Маргарита Павловна, - сказала я медленно, стараясь говорить голосом взрослого сотрудника, а не человека, который мысленно уже ищет ближайший шкаф, чтобы спрятаться. - Я младший специалист регистрационного отдела. Я оформляю заявки, сверяю акты, проверяю печати, вношу данные в реестр и спорю с принтером. Я не полевой сотрудник.

Именно поэтому ты едешь не ловить оборотня, а отвезти документы.

А если оборотень решит, что документы ему не нравятся?

Он в камере.

Камеры иногда открываются.

Не драматизируй.

Я ненавидела эту фразу. В нашем отделе «не драматизируй» обычно означало: «Да, всё плохо, но отвечать будешь ты».

Что за документы? - спросила я.

Пакет на условное освобождение под внешний надзор.

Кого освобождают?

Маргарита Павловна на мгновение замолчала. И вот это мне не понравилось совсем. Когда начальница молчала, в кабинете становилось холоднее. Не магически. Просто человеческая душа заранее понимала, что сейчас её будут бить.

Романа Громова, - сказала она наконец.

В отделе стало тихо. Нет, правда тихо. Даже принтер у окна, который весь день скрежегал, как старый гроб на колёсиках, вдруг перестал давиться бумагой. Дина, сидевшая за соседним столом, медленно подняла голову. Семёнов, который вообще-то «заболел», но почему-то торчал в общем чате отдела и, кажется, был подключён к нашей базе сплетен на уровне души, тут же прислал мне сообщение. На экране телефона вспыхнуло: «НЕ ЕЗДИ». Потом второе: «ГРОМОВ ЭТО ТОТ САМЫЙ?» Потом третье: «ЛИЗА ЕСЛИ ТЫ УМРЁШЬ МОЖНО МНЕ ТВОЙ СТЕПЛЕР?» Я перевернула телефон экраном вниз.

Роман Громов, - повторила я. - Это который...

Да.

Альфа?

Да.

Бывший глава стаи?

Формально отстранённый.

Которого три года назад посадили за убийство главы «Северных»?

Следствие было сложнее.

А ещё он, кажется, сломал кому-то позвоночник в зале суда.

Не позвоночник, а ребро.

Всего одно?

Три. Но это были смягчающие обстоятельства.

Он сломал три ребра в зале суда, и это смягчающие обстоятельства?

Маргарита Павловна поджала губы.

Потерпевший оскорбил его мёртвую сестру.

Очень мило. Почти романтично. Может, сразу цветы купить?

Светлова.

Я прикусила язык. Это было сложно. Я вообще редко прикусывала язык. Обычно он жил своей жизнью, значительно более смелой, чем я сама. Маргарита Павловна положила папку на край стола, словно закрывая тему.

Твоя задача проста. Приехать, передать пакет дежурному юристу, дожидаться сверки данных, получить подпись о приёме и вернуться. С заключённым ты контактировать не обязана.

А если придётся?

Не придётся.

Но если вдруг?

Не смотри ему в глаза. Не отвечай на провокации. Не подходи к камере ближе, чем на два метра. Не называй его зверем. Не используй слово «пёс». Не делай резких движений. Не демонстрируй страх.

Я медленно кивнула.

То есть вести себя естественно.

Светлова.

Что?

Это серьёзно.

Вот теперь я уже не улыбалась. Потому что Маргарита Павловна редко говорила «это серьёзно». В её мире серьёзным было только нарушение сроков, неправильно заполненная форма МН-17 и отсутствие подписи в третьем экземпляре. Если она называла серьёзным живого человека, значит, этот человек был проблемой не бюрократического, а биологического характера.

Почему его освобождают? - спросила я.

Пересмотр дела.

Через три года?

Появились новые обстоятельства.

Какие?

Не твоего уровня доступа.

Конечно. В нашем Бюро всё интересное всегда было не моего уровня доступа. Зато всё опасное почему-то постоянно оказывалось моего уровня ног, рук и головы.

Маргарита Павловна, а курьера отправить нельзя?

Курьера в изолятор особого режима не пустят. Нужен сотрудник Бюро с допуском.

У меня допуск самый низкий.

Но есть.

Радость-то какая.

Машина ждёт внизу. Водитель довезёт до внешнего КПП. Дальше тебя встретят.

Она снова протянула папку. На этот раз я взяла. Папка оказалась холодной. Или это у меня руки похолодели.

Светлова, - сказала Маргарита Павловна уже тише, когда я почти дошла до двери.

Да?

Не геройствуй.

Я фыркнула.

Я похожа на героиню?

Она посмотрела на меня поверх очков. Очень долго. Неприятно долго.

Вот именно поэтому и говорю.

Отлично. Просто великолепно. Когда твоя начальница считает, что ты не похожа на героиню, но всё равно предупреждает не геройствовать, это значит, что где-то в глубине предстоящего дня уже сидит огромная задница и терпеливо ждёт, когда ты в неё войдёшь.

Я вышла из кабинета, прижимая папку к груди. Дина тут же подскочила ко мне, вся тревожная, тонкая, с большими глазами человека, который читает служебные отчёты не потому, что обязан, а потому что не умеет не знать лишнего.

Ты реально едешь?

Нет, - сказала я. - Это моя астральная проекция. Тело уже сбежало в Турцию.

Лиз, я серьёзно.

И я серьёзно. Если меня съедят, заberi мой фикус.

У тебя нет фикуса.

Значит, купи. И заberi. Красиво получится.

Дина нервно улыбнулась, но глаза у неё оставались тревожными. Она была из тех людей, которые читали все закрытые отчёты, даже если не имели доступа, потому что умели дружить с архивом, чайником и одиноким айтишником Артёмом.

Про Громова всякое говорят, - сказала она.

Про меня тоже всякое говорят. Особенно после новогоднего корпоратива.

Лиза.

Я вздохнула.

Что говорят?

Дина понизила голос, хотя вокруг и так все делали вид, что не слушают, и именно поэтому слушали особенно внимательно.

Что он не просто альфа. Что у него зверь нестабильный. Что он в камере сидел не потому, что сбежать не мог, а потому что сам не хотел выходить.

Какая прелесть.

И ещё говорят, что его стая до сих пор ждёт.

Кого? Его?

Да. И боится.

Одновременно?

У оборотней сложная социальная структура.

У меня тоже. Я одновременно хочу зарплату, премию и умереть до обеда.

Дина схватила меня за рукав.

Не шути там, ладно?

Я посмотрела на её руку, потом на папку, потом на дверь начальницы.

Я постараюсь.

Это была ложь, конечно. Я не умела не шутить, когда нервничала. У кого-то в стрессовой ситуации включается режим выживания. У кого-то - боевой транс. У кого-то - холодный рассудок. У меня включалась тупая говорилка. Именно она когда-то заставила меня на собеседовании в Бюро сказать, что мой главный недостаток - «плохо переношу идиотов, но быстро привязываюсь». Почему меня после этого взяли, я до сих пор не понимала. Возможно, в отделе просто была срочная нехватка людей, готовых работать за мою зарплату.

Я вернулась к своему столу, быстро открыла служебную базу и ввела имя: ГРОМОВ РОМАН ВЛАДИМИРОВИЧ. Система подумала, мигнула, выдала предупреждение: ДОСТУП ОГРАНИЧЕН. Ниже появилось фото. И вот тут я впервые по-настоящему пожалела, что уехала утром без завтрака.

На фотографии был мужчина лет тридцати семи или около того. Может, чуть старше. Точно понять было трудно: такие лица не стареют обычным способом, они просто становятся опаснее. Тёмные волосы, коротко стриженные. Чёрная борода. Прямой нос, тяжёлая линия челюсти, глубокая складка между бровями. Взгляд - серый или почти чёрный, на снимке не разобрать. Но даже через экран он смотрел так, будто фотограф не снимал его, а вёл последние переговоры со своей совестью. Под фото было несколько строк: ВИД - оборотень. СТАТУС - альфа. УРОВЕНЬ РИСКА - красный. КОНТАКТ - только через защитный контур.

Я сглотнула. Потом, конечно, увеличила фото. Потому что я была взрослой разумной женщиной двадцати четырёх лет, а не какая-нибудь малолетняя дура. Ну почти.

Не пялься, - сказала Дина у меня за спиной.

Я вздрогнула и захлопнула вкладку.

Я изучаю объект.

Ты увеличила ему лицо.

Это называется аналитика.

Это называется «ой, какой страшный мужик, но почему-то не могу перестать смотреть».

Ничего подобного.

Дина наклонилась ближе.

Лиз, он красивый, но он опасный.

Во-первых, красивый - это спорно.

Я соврала так плохо, что даже монитор, кажется, осудил меня.

А во-вторых, я еду на двадцать минут. Передам папку, возьму подпись, вернусь и продолжу свою прекрасную карьеру девочки, которая ругается с принтером.

Угу.

Что «угу»?

Ничего. Просто ты всегда так говоришь перед тем, как всё идёт не так.

Это не я виновата. Это мир ко мне предвзят.

Я схватила сумку, папку и куртку. На выходе из отдела всё-таки обернулась.

Дин.

Что?

Если я не вернусь...

Не начинай.

...не отдавай Семёнову степлер. Он его не достоин.

Она закатила глаза.

Иди уже, героиня.

Я не героиня. Мне Маргарита Павловна официально сказала.

Но на душе почему-то стало неприятно. Потому что иногда мир шутит очень криво. И почти всегда - за мой счёт.

Машина Бюро ждала у служебного входа. Чёрный седан без опознавательных знаков, грязный после ночного дождя, с тонированными стёклами. За рулём сидел мужчина в форме транспортной службы, имени которого я не знала, но лицо видела пару раз в лифте. Он посмотрел на папку в моих руках, потом на меня.

В «Северный»?

Угу.

Первый раз?

Это так заметно?

Вы папку держите как икону.

Я тут же опустила руки.

Может, я верующая.

В Бюро быстро проходят.

Он завёл двигатель. Я села на заднее сиденье, пристегнулась и попыталась не думать о том, что еду в место, где держат существ, способных перекусить человеку горло быстрее, чем я успею сказать: «Я просто привезла документы».

Город за окном жил обычной жизнью. Люди шли по тротуарам, ругались у остановок, покупали кофе, тащили пакеты из супермаркетов, смотрели в телефоны. Где-то на перекрёстке курьер на велосипеде едва не врезался в такси. Молодая мама наклонялась к ребёнку в ярко-жёлтом комбинезоне. Две студентки смеялись у витрины пекарни. Нормальный день. Нормаль-

ные люди. Нормальная жизнь, которая почему-то всегда существует параллельно с ненормальной, просто за тонированным стеклом.

Я работала в Бюро уже восемь месяцев, но до сих пор не привыкла к этой двойной реальности. Официально магический мир был вписан в человеческий: лицензии, реестры, службы контроля, специальные учреждения, правила взаимодействия, права нечеловеческих видов, обязанности нечеловеческих видов, уголовная ответственность за нарушение межвидовых соглашений. На бумаге всё выглядело прилично. На практике это означало, что где-то под обычным бизнес-центром мог находиться клуб вампиров, в соседнем салоне красоты работала ведьма без лицензии на бытовые привороты, а в трёх остановках от моего дома в подвале держали подпольные бои оборотней, пока туда не пришёл наш второй отдел и не вынес половину участников вместе со стеной.

Оборотни были отдельной головной болью. Сильные. Древние. Семейные. Стайные. Обидчивые. Очень плохо переносящие чужую власть и ещё хуже - чужие печати. Люди в Бюро любили говорить, что оборотней надо контролировать законом. Оборотни в ответ обычно говорили, что закон - это смешная человеческая попытка надеть поводок на бурю. После этого юристы писали новые протоколы, оперативники получали новые шрамы, а младшие специалисты вроде меня вносили новые данные в реестр. Моя роль в большом конфликте цивилизаций была простой: не перепутать графы. И вот теперь я ехала передавать документы на освобождение альфы с красным уровнем риска. Жизнь явно считала, что я засиделась.

Телефон завибрировал. Дина писала: «Ты жива?» Я набрала: «Пока да. Если умру, удали историю браузера». Она ответила мгновенно: «Там что-то интересное?» Я написала: «Нет. Поэтому и удали, стыдно». Через минуту пришло сообщение от неизвестного номера: «Лиза, это Артём из IT. Дина сказала, ты едешь к Громову. Я тебе скинул в личку аварийный код доступа к тревожной кнопке. Только никому». Следом пришла длинная строка символов, похожая на проклятие программиста, потом ещё одно сообщение: «И не смотри ему в глаза. Серьёзно. У альф прямой взгляд может работать как вызов». Я быстро напечатала: «А если уже посмотрела на фото?» Артём ответил: «Фото не считается. Наверное».

Замечательно. Очень профессионально. Наверное.

Я убрала телефон в сумку и посмотрела в окно. Город постепенно редел. Мы выехали за пределы центральных районов, миновали склады, серые промзоны, старые гаражные кооперативы. Небо висело низко, мутное после дождя. Асфальт блестел, как чешуя. Деревья вдоль дороги стояли голые, весна ещё не решила, вступать в свои права или продолжить издеваться над людьми холодным ветром. Специзолятор «Северный контур» находился за городом, на территории бывшей военной части. Официально - Центр временного содержания лиц с изменённой биологической природой и повышенным уровнем угрозы. Неофициально - клетка для тех, кого обычная тюрьма не удержит.

Водитель молчал почти всю дорогу. Только за пять минут до въезда сказал:

На КПП телефон заберут.

Почему?

Правила.

А если мне надо будет позвонить?

Там есть служебная связь.

А если мне надо будет позвонить, чтобы сказать последние слова?

Он посмотрел на меня в зеркало.

Не смешно.

Я не уверена.

Он больше ничего не сказал. Сначала появился забор. Высокий, серый, с несколькими рядами металлической сетки и чёрными камерами наблюдения. Потом второй забор. Потом бетонные блоки, шламбаум, вышки и длинное приземистое здание за территорией КПП. Ника-

ких мрачных башен. Никаких цепей на стенах. Никакого готического ужаса. Именно поэтому место выглядело ещё неприятнее. Слишком чисто. Слишком спокойно. Слишком деловито. Как больница, где никого не лечат.

Машина остановилась перед первым постом. К нам подошёл охранник в тёмной форме с нашивкой спецслужбы контроля. Человек. Наверное. Хотя после работы в Бюро я уже не была уверена даже в людях. Некоторые бухгалтеры выглядели менее живыми, чем архивные мертвецы из отдела регистрации посмертных обязательств.

Документы, - сказал охранник.

Я протянула служебное удостоверение и направление. Он долго изучал моё лицо, потом папку, потом снова лицо.

Вы одна?

Нет, со мной чувство тревоги и плохие решения.

Охранник не улыбнулся. Водитель кашлянул. Я решила, что пора заткнуться. Охранник приложил моё удостоверение к считывателю. Тот пикнул зелёным.

Выходите. Личные вещи в контейнер. Телефон, часы, украшения, любые металлические предметы, амулеты, артефакты, лекарственные препараты, косметика с неизвестным составом.

Косметика?

В прошлый раз посетительница пыталась пронести сонный порошок в пудренице.

А я думала, это только в дешёвых романах бывает.

Жизнь вообще дешёвый роман. Только редактора нет.

Вот теперь я на него посмотрела с уважением. Может, и человек.

Внутри КПП меня провели через рамку, потом через вторую рамку, потом через узкий коридор с матовыми стенами, где воздух пах озоном, мокрым бетоном и чем-то горьким. У меня забрали телефон, ключи, даже маленький серебряный браслет, который я носила просто потому, что он подходил к серьгам.

Серебро нельзя? - спросила я.

Можно. Но заключённых провоцирует.

А серьги?

Тоже.

Я сняла серьги. Без них почувствовала себя почему-то голой. Папку проверили отдельно. Печать Бюро просканировали трижды. Потом один из охранников попросил меня поставить подпись в журнале посещений. Я подписала: Светлова Е.А. Рука дрогнула всего чуть-чуть.

Нервничаете? - спросил охранник.

Нет. У меня просто почерк такой. С детства тревожный.

Он поднял на меня глаза. Молодой. Лет двадцать семь. Светлые волосы, усталое лицо, тонкий шрам на подбородке. На бейдже написано: лейтенант Орлов.

Вы из третьего отдела?

Угу.

Регистрационного?

А что, сразу видно?

Полевые так много не разговаривают.

Они выживают благодаря молчанию?

В том числе.

Я решила, что лейтенант Орлов мне не нравится. Не потому, что он был груб. Наоборот, он был слишком спокойный. А спокойные люди в местах, где держат оборотней, либо профессионалы, либо уже давно внутри умерли. Ни то ни другое не улучшало моё настроение.

Мне сказали передать документы дежурному юристу, - сказала я. - Без контакта с заключённым.

Орлов посмотрел на папку.

По Громову?

В коридоре снова стало чуть тише. Мне не понравилось, что имя этого человека везде работает как выключатель звука.

Да.

Тогда контакт может понадобиться.

Мне сказали, что не понадобится.

Вам в Бюро много чего говорят.

Слушайте, я сегодня уже ездила в машине с философом. Давайте вы не будете вторым.

Орлов впервые почти улыбнулся. Почти.

Дежурный юрист сейчас на внутреннем совещании. Придётся подождать в секторе допуска.

Сколько?

Как получится.

Самый страшный ответ в любой государственной структуре.

Бюро не государственная структура.

Именно поэтому ещё страшнее.

Он кивнул другому охраннику, и меня повели дальше. Второй коридор был длиннее. Двери по бокам - тяжёлые, серые, без ручек. Над каждой - номер и световая полоска. Где-то за стенами глухо стучало. Может, вентиляция. Может, кто-то бился головой о бетон. Я решила не уточнять.

На повороте мы прошли мимо толстого стекла, за которым виднелось помещение наблюдения. Несколько операторов сидели перед мониторами. На одном экране мелькнула камера: пустая бетонная комната, металлическая койка, цепь на стене. Потом другой экран. И я увидела его. Всего на секунду. Мужчина сидел на краю койки, сцепив руки в замок. Огромный даже на маленьком изображении. Чёрная тюремная форма натягивалась на плечах так, будто ткань совершала трудовой подвиг. Голова чуть опущена, но взгляд поднят прямо в камеру. Будто он знал, что я смотрю.

Я споткнулась.

Осторожно, - сказал охранник.

Тут пол кривой.

Пол был идеально ровный. Охранник ничего не ответил.

Меня привели в небольшую комнату ожидания. Стол, два стула, автомат с водой, камера в углу, мутное стекло вместо окна. На стене висела инструкция: «Правила поведения при контакте с лицами оборотного типа». Я, конечно, подошла читать. Пункт первый: сохраняйте спокойствие. Смешно. Пункт второй: не вступайте в личные споры. Уже сложнее. Пункт третий: не демонстрируйте подчинение, если не являетесь членом стаи. А вот это интересно. Пункт четвёртый: не демонстрируйте вызов, если не готовы подтвердить его физически или юридически. Я перечитала два раза. Физически или юридически. Прелесть какая. Пункт пятый: не используйте уменьшительно-ласкательные обращения без предварительного согласия. Я хмыкнула. Оборотням нельзя говорить «котик»? Жаль. Хотя конкретно Громову я бы, наверное, не рискнула сказать даже «уважаемый гражданин заключённый».

Я села на стул и положила папку на стол. Потом встала. Потом снова села. Потом налила воды из автомата. Вода была холодная, с привкусом пластика и обречённости. Минут через десять дверь открылась. Вошёл Орлов.

Юрист освобождён?

Нет.

Тогда вы пришли развлечь меня беседой?

Начальник сектора просит пройти в контур сверки.

Я посмотрела на папку.

Зачем?

Надо подтвердить комплект документов у камеры заключённого.

Простите, что?

У Громова стоит старый родовой запрет на передачу решений без визуальной фиксации. Документы по освобождению должны быть сверены при нём.

Мне сказали...

Я помню, что вам сказали.

Это незаконно.

Нет.

Неприятно.

Да.

Опасно?

Орлов помолчал. Вот это было лишним.

Если будете соблюдать правила, нет.

А если я случайно нарушу?

Не нарушайте.

Какой простой человек.

Я взяла папку.

Лейтенант Орлов.

Да?

Вы же понимаете, что фраза «не нарушайте» в моём случае звучит как плохое пророчество?

Уже начинаю.

Он открыл дверь. Я вышла следом.

Чем глубже мы шли, тем меньше здание походило на административный центр и тем больше - на внутренности какого-то огромного бетонного зверя. Коридоры сужались, воздух становился суше, на стенах появились полосы защитных рун, впаянных прямо в металл. Они не светились, не мерцали, не создавали красивого магического эффекта. Просто были. Чёрные, тонкие, строгие. Я не разбиралась в силовых контурах, но даже мне было понятно: это не украшение.

Они работают? - спросила я, кивая на руны.

Пока да.

Обнадёживает.

Старые контуры надёжнее новых.

А новые?

Новые красивее в презентациях.

Я покосилась на Орлова.

Вы точно не из Бюро?

К счастью, нет.

Мы остановились перед массивной дверью с номером 13. Разумеется. Потому что если уж день катится в пропасть, то с чувством стиля. Орлов приложил ладонь к панели. Где-то внутри щёлкнули замки. Дверь открылась не сразу, а слоями: сначала внешняя, потом решётка, потом ещё одна прозрачная перегородка из толстого стекла.

За ней была камера. Большая. Бетонная. Чистая. Почти пустая. Металлическая койка. Стол, вмонтированный в стену. Стул без ножек, тоже часть пола. Узкая полка. Никаких личных вещей, никаких книг, никаких мелочей, за которые мог бы зацепиться взгляд. И он.

Роман Громов сидел на койке ровно так же, как на экране наблюдения. Только вживую стало понятно, что камера не врала, а, наоборот, была милосердна. Он был огромный. Не просто высокий или широкоплечий. В нём была какая-то плотная, тяжёлая сила, которая делала

пространство вокруг меньше. Будто камера строилась для обычного человека, а потом туда посадили что-то из другой эпохи, где мужчины разговаривали с лесом, дрались с медведями и считали стены временным недоразумением. Тёмная форма заключённого. Закатанные рукава. Предплечья с венами и старыми шрамами. Широкие кисти. На одной руке - чёрный браслет подавления, толстый, с серебристыми вставками. Коротко стриженные волосы, тёмная борода, резкая линия скул. А глаза...

Я вспомнила инструкцию. Не смотреть. Я, конечно, посмотрела.

Серые. Не чёрные, как на фото. Серые, холодные, внимательные. Цвет мокрого камня перед грозой. От этого взгляда внутри всё неприятно сжалось. Не от страха даже. От ощущения, что меня не просто увидели, а сразу разобрали на части, прочитали мелкий шрифт, нашли все слабые места и пока решили не пользоваться. Пока.

Роман Владимирович, - сказал Орлов официальным тоном. - Сотрудник Бюро доставил пакет документов по вашему делу. Требуется визуальная сверка и подтверждение через контур.

Громов не смотрел на Орлова. Он смотрел на меня. Молчал. Я тоже молчала. Редкий, почти исторический момент. Орлов кашлянул.

Светлова Елизавета Андреевна, младший специалист третьего отдела Бюро магического надзора.

Бровь Громова едва заметно дрогнула.

Младший специалист, - повторил он.

Голос у него был низкий. Хрипловатый. Спокойный настолько, что от этого спокойствия хотелось отойти за Орлова. А лучше за бетонную стену. А лучше домой, под одеяло, с чайником и котом.

Да, - сказала я. - Но очень перспективный.

Орлов медленно повернул ко мне голову. В его взгляде читалось: «я же просил». Нет, он не просил. Но мысленно точно просил.

Громов чуть наклонил голову.

Перспективный младший специалист привёз мне свободу?

Не свободу, а пакет документов на условное освобождение под внешний надзор.

Значит, свободу на поводке.

У нас это называется правовой режим.

У людей красивые слова для ошейников.

У оборотней, говорят, тоже.

Орлов закрыл глаза. Буквально на секунду. Громов же вдруг улыбнулся. Немного. Одним краем губ. И от этой улыбки мне стало почему-то жарко в комнате, где, кажется, намеренно держали температуру для хранения овощей и особо опасных заключённых.

Смелая? - спросил он.

Нет. Нервная.

Заметно.

Тогда зачем спрашиваете?

Проверяю, врёшь ли.

И как?

Плохо.

Я жала папку сильнее.

Хорошо, что я не в отделе лжи работаю.

Такого отдела нет.

После вашего дела, может, открыли.

Он снова улыбнулся.

Орлов шагнул вперёд.

Достаточно. Светлова, документы на стойку.

Только сейчас я заметила перед стеклом небольшую металлическую стойку с углублением для папки и встроенным считывателем. Рядом - старая печать, круглая, тёмная, с резными линиями. Не современная эмблема Бюро, а что-то гораздо древнее. Символы на ней казались неровными, почти живыми. Если смотреть прямо, они были просто узором. Если краем глаза - будто двигались. Мне это не понравилось. Вообще ничего в этой комнате мне не нравилось. Кроме, возможно, того, что между мной и Громовым было стекло. Толстое. Надёжное. Надеюсь.

Я подошла к стойке и положила папку в углубление. Сканер мигнул синим. На панели загорелась надпись: «Пакет принят. Требуется подтверждение доставки».

Приложите удостоверение, - сказал Орлов.

Я приложила. Панель послушно выдала: «Сотрудник: Светлова Е.А. Допуск: МН-3. Статус: подтверждён».

Теперь палец.

Зачем?

Биометрия.

В направлении было написано только про подпись.

Здесь внутренний протокол.

Я посмотрела на маленькую стеклянную пластину. Потом на Громова. Он наблюдал за мной слишком внимательно.

Что? - не выдержала я.

Думаю.

Болезненный процесс?

Орлов тихо выдохнул. Громов не отреагировал на колкость. Только взгляд стал чуть уже.

Ты не похожа на сотрудника, которого отправляют к заключённому с красным уровнем риска.

Спасибо?

Это не комплимент.

Тогда заберите обратно.

Тебя отправили случайно?

Меня вообще многое в жизни случайно.

Опасная привычка.

А у вас какая? Ломать людям рёбра?

Воздух стал плотнее. Я поняла, что сказала это зря, ровно в ту секунду, когда слова уже вылетели. Орлов резко повернулся ко мне.

Светлова.

Но Громов не двинулся. Не зарычал. Не бросился к стеклу. Даже не изменился в лице. И именно это было хуже. Он просто смотрел. Долго. Так долго, что у меня под кожей побежали мурашки.

Только тем, кто заслужил, - сказал он наконец.

Удобная система.

Очень.

Сами решаете, кто заслужил?

Обычно они помогают.

Чем?

Открывают рот.

Вот тут я всё-таки замолчала. Потому что даже мой язык, бессмертный герой всех идиотских ситуаций, наконец понял, что мы вышли на тонкий лёд, а под ним не вода, а челюсти.

Орлов ткнул пальцем в панель.

Палец, Светлова. И заканчиваем.

Я приложила указательный палец к стеклянной пластине. Сканер пискнул. Ничего не произошло.

Сильнее, - сказал Орлов.

Я не банку с огурцами открываю.

Просто прижмите.

Я прижала. Пластина была холодная и почему-то чуть шершавая. В следующий момент что-то острое кольнуло подушечку пальца.

Ай!

Я отдернула руку. На коже выступила капля крови.

Что за...

Микропрокол для подтверждения живой биометрии, - спокойно сказал Орлов.

Предупреждать надо!

Все сотрудники знают.

Я младший специалист регистрационного отдела! Я знаю, где у нас принтер жуёт бумагу и в каком ящике Семёнов прячет печенье!

Капля крови сорвалась с пальца. Я попыталась её поймать салфеткой, но, конечно, не успела. Она упала не на стеклянную пластину. Не на пол. А на старую круглую печать рядом со стойкой. На тёмный металл с резными линиями. Капля была маленькая. Совсем. Смешная. Одна красная точка на чёрном узоре. Но комната вдруг изменилась.

Сначала пропал звук. Не полностью. Просто стал глухим, будто кто-то накрыл мир толстым одеялом. Я увидела, как Орлов что-то говорит, но слова дошли до меня с задержкой. Потом печать нагрелась. Я не касалась её, но почувствовала тепло кожей. Оно ударило в ладонь, поднялось выше, по запястью, к локтю, к плечу. Не больно. Странно. Слишком странно. Будто кто-то провёл раскалённой ниткой не по коже, а под ней. Резные линии на печати вспыхнули. Не ярко. Не красиво. Тёмно-красным. Как угли под пеплом.

Орлов выругался. Очень коротко и совсем не служебно. Громов в камере медленно поднялся. Я сразу поняла две вещи. Первая: сидя он казался большим. Стоя он казался причиной, по которой человечество придумало стены. Вторая: ему это тоже не понравилось. Потому что впервые за всё время его лицо изменилось. Улыбка исчезла. Взгляд стал острым, тяжёлым, почти злым.

Орлов, - сказал он.

В его голосе не было вопроса. Была команда. И лейтенант, который минуту назад спокойно инструктировал меня, дернулся так, будто команда сработала на уровне спинного мозга.

Назад, - резко сказал он мне. - Отойдите от стойки.

Я с радостью хотела выполнить. Правда. Но не смогла. Ноги словно приросли к полу. Печать гудела. Тихо, низко, почти неслышно. Но этот гул отзывался в груди, в зубах, в костях. На панели замигали строки: «Ошибка протокола. Родовой контур активирован. Подтверждение крови принято».

Что значит принято? - спросила я.

Голос у меня вышел тоньше, чем хотелось.

Светлова, отойдите! - повторил Орлов.

Я пытаюсь!

Это было унижительно. Я правда пыталась. Пальцы дрожали. Папка лежала на стойке. Капля крови растеклась по узору, и линии печати словно втягивали её внутрь. На стеклянной перегородке между мной и камерой пробежала трещина света. Не настоящая трещина. Световая. Красная. Потом вторая. Потом третья.

Нет, - сказал Орлов.

В этот раз в его голосе появился страх. Очень тихий. Очень человеческий. Я посмотрела на Громова. Он стоял по ту сторону стекла. Неподвижно. Руки опущены. Браслет на запястье

мерцал, будто пытался удержать то, что удержать не мог. Наши взгляды встретились. На этот раз я не успела вспомнить инструкцию. Не смотреть в глаза. Не демонстрировать вызов. Не демонстрировать подчинение. Не дышать, наверное, тоже было бы неплохо.

Громов смотрел на меня так, будто я только что сделала нечто невозможное, глупое и смертельно опасное. В общем, вполне в моём стиле.

Что происходит? - спросила я.

Никто не ответил. Панель вспыхнула красным: «Гарант определён. Кровная привязка принята. Снятие первичного ограничения разрешено».

Нет, нет, нет, - прошептал Орлов и бросился к стене, где под защитной крышкой была тревожная кнопка.

Он не успел нажать. Где-то глубоко внутри двери щёлкнул первый замок. Потом второй. Потом третий. Каждый щелчок был тяжёлым, окончательным. Как удар молотка по крышке гроба. Стеклопанель перегородки дрогнула и медленно ушла вниз. Я осталась стоять перед открытой камерой. Без стекла. Без решётки. Без умной мысли в голове.

Громов не сделал ни шага. Но теперь между нами не было ничего, кроме двух метров воздуха, инструкции на стене и моего врождённого таланта портить людям рабочий день.

Сирена завывала не сразу. Сначала в коридоре вспыхнул красный свет. Потом потолочные динамики хрипло ожили: «Внимание. Нарушение контура. Внимание. Нарушение контура. Сектор тринадцать. Первичное ограничение снято». Орлов выхватил электрошокер.

Заклочённый, назад!

Громов даже не посмотрел на него. Он смотрел на меня.

Ты кто? - спросил он тихо.

Я? - тупо переспросила я.

Великолепно, Лиза. Просто блестящий ответ. Младший специалист года.

Да, ты.

Я же сказала. Светлова Елизавета Андреевна. Третий отдел. Младший специалист. Очень временно живая.

Он сделал шаг. Орлов вскинул шокер.

Стоять!

Громов остановился. Не потому, что испугался. Потому что решил. Это было видно. Он позволил команде существовать. Пока.

Роман Владимирович, - голос Орлова дрогнул, но он удержался. - Вернитесь на койку. Немедленно.

Не могу.

Это приказ!

Громов медленно повернул голову. И вот тогда я увидела, как смотрит альфа не на перепуганную девицу с папкой, а на мужчину с оружием, который решил, что имеет право приказывать. Орлов побледнел. Совсем немного, но я заметила.

Убери игрушку, лейтенант, - сказал Громов.

Назад.

Она кровью открыла контур. Если ты сейчас ударишь меня, связь примет это как угрозу гаранту.

Она не гарант. Это ошибка протокола.

Старые печати не ошибаются.

Заткнитесь оба! - вдруг сказала я.

И сама испугалась. Потому что, кажется, крикнула не только на Орлова, но и на Громова. В секторе с красным уровнем риска. Перед открытой камерой альфы. Если бы глупость можно было измерять приборами, у нас бы сейчас сгорела вся электроника. Громов снова посмотрел

на меня. Медленно. Очень медленно. Орлов тоже посмотрел, но у него взгляд был проще: «женщина, ты жить устала?»

Я подняла раненый палец.

Кто-нибудь может мне объяснить, что я только что сделала?

Вы активировали родовой контур заключённого, - сказал Орлов сквозь зубы.

Это я поняла. Я спрашиваю, насколько всё плохо по шкале от «выговор» до «мама, я в новостях».

Хуже.

Прекрасно.

Громов вдруг коротко хмыкнул.

Я ткнула в него пальцем.

Вам смешно?

Нет.

А похоже.

Я давно не видел, чтобы кто-то орал на вооружённую охрану и заключённого альфу одновременно.

У меня стресс.

Заметил.

Не надо так спокойно это говорить!

А как надо?

Не знаю! Панически! Как все нормальные люди!

Я не нормальный человек.

Да ладно?

Орлов издал звук, похожий на сдавленное рычание.

Светлова, молчите.

С удовольствием! Как только кто-нибудь объяснит, почему я не могу отойти от этой дурацкой стойки!

На самом деле я уже могла. Я поняла это в момент, когда попыталась снова. Ноги слушались. Но стоило мне сделать шаг назад, как в груди резко кольнуло. Не сильно, но неприятно. Будто сердце дёрнули за невидимую нитку. Я охнула. Громов мгновенно напрягся.

Не отходи резко.

Простите?

Медленно.

Вы мне сейчас инструкции даёте?

Да.

А вы точно тот, кого надо слушать в этой ситуации?

Нет. Но я единственный, кто понимает, что происходит.

Орлов сжал шокер так, что побелели пальцы.

Заключённый, молчать.

Громов не ответил. Просто сделал второй шаг. Теперь он был совсем близко. Не вплотную. Нет. Но близко настолько, что я почувствовала его запах. Не парфюм. Не тюремную форму. Не бетон. Тёплый, горьковатый запах кожи, дыма, холодного воздуха и чего-то дикого. Леса ночью. Мокрой земли. Опасности, которая не крадётся, потому что ей незачем. У меня пересохло во рту.

Громов втянул воздух. Едва заметно. И его взгляд изменился. Вот теперь мне стало страшно по-настоящему. Потому что до этого он смотрел на меня как на проблему. А сейчас - как на ответ.

Роман Владимирович, - сказал Орлов медленно. - Последнее предупреждение.

В коридоре уже топали люди. Много людей. Тяжёлые ботинки, команды, металлический звон. Сирена продолжала выть. Красный свет бил по стенам, делая лицо Громова резче, темнее, почти нечеловеческим. Я должна была отойти. Закричать. Спрятаться за Орлова. Сделать хоть что-то разумное. Вместо этого я спросила:

Что значит «гарант»?

Громов опустил взгляд на мой палец. Кровь уже почти остановилась, но красная точка ещё блестела на коже.

Это значит, что теперь они не смогут просто закрыть дверь.

Почему?

Потому что ты её открыла.

Я не открывала. Я истекала кровью после нападения государственного оборудования.

Одна капля - тоже ключ.

Очень поэтично. Мне уже плохо.

Будет хуже.

Спасибо за поддержку.

Орлов шагнул между нами.

Всё. Разговор окончен.

И в этот момент в сектор вбежали ещё трое охранников. Двое с электрошоковыми ружьями. Один с серебряной сетью в руках. За ними - мужчина в тёмном костюме, с гладко зачёсанными волосами и лицом человека, которого выдернули из важного совещания в тот момент, когда у него почти получалось выглядеть главным.

Что здесь произошло? - резко спросил он.

Родовой контур активирован, - отчеканил Орлов. - Кровью сотрудника Бюро.

Мужчина посмотрел на меня так, будто я не человек, а опечатка в договоре на миллион страниц.

Кто допустил?

Я подняла здоровую руку.

Я не специально.

Он даже не моргнул.

Фамилия?

Светлова.

Отдел?

Третий.

Уровень допуска?

Маленький.

Орлов тихо сказал:

МН-3.

Кто разрешил ей проводить биометрию у родовой печати?

Протокол стандартный.

У Громова нет стандартных протоколов!

Я кашлянула.

Простите, я всё ещё здесь. И я всё ещё не понимаю, что...

Молчать, - бросил мужчина.

Обычно я плохо реагировала на такой тон. Очень плохо. Прямо ужасно. Но, к моему удивлению, первой отреагировала не я. Громов. Он не зарычал. Не двинулся. Не поднял руку. Просто сказал:

Не говори с ней так.

Тихо. Даже мягко. И от этой мягкости у меня внутри всё провалилось куда-то вниз.

Мужчина в костюме медленно повернулся к нему.

Заключённый Громов, вы находитесь в секторе содержания. Любая попытка...
Она не ваш сотрудник сейчас.

Я моргнула.

В каком смысле не ваш?

Громов смотрел на мужчину.

Контур принял её кровь. До решения старшего круга она мой гарант.

Временный юридический гарант, - жёстко сказал мужчина. - Не более.

Тогда не провоцируй юридическое осложнение.

Орлов шепнул мне:

Молчите. Пожалуйста.

Вот когда охранник специзолятора говорит тебе «пожалуйста», понимаешь, что день достиг нового дна.

Мужчина в костюме достал планшет, быстро что-то открыл, провёл пальцем по экрану. Его лицо становилось всё менее приятным.

Невозможно, - сказал он.

Что именно? - спросила я.

Печать внесла вас в протокол освобождения.

Удалите.

Это не таблица Excel.

Жаль. С Excel я хотя бы иногда справляюсь.

Он поднял на меня взгляд.

Вы понимаете, что натворили?

Нет! Именно поэтому я уже пять минут прошу объяснить!

Громов вдруг произнёс:

Она не знала.

И это почему-то прозвучало хуже, чем если бы он меня обвинял. Потому что защищать меня его никто не просил. Потому что он был заключённым с красным уровнем риска. Потому что я не хотела, чтобы огромный опасный оборотень с голосом ночного пожара говорил за меня так, будто имел на это право.

Я сама могу ответить, - сказала я резко.

Он посмотрел на меня.

Вижу.

Вот и прекрасно.

Не умно, но смело.

А вы невыносимы.

Уже?

У меня талант быстро разбираться в людях.

Я не человек.

Это многое объясняет.

Мужчина в костюме шумно втянул воздух.

Светлова, замолчите немедленно.

Да что вы все так хотите, чтобы я молчала? Может, если бы кто-нибудь нормально объяснял происходящее, я бы...

Панель на стойке снова вспыхнула: «Внимание. Дистанция гаранта и объекта нестабильна. Рекомендуются стабилизация контура».

Что это значит? - спросила я.

Все замолчали. Даже сирена будто стала тише. Я медленно повернулась к Громову. Он смотрел на панель. Лицо у него было каменным, но в челюсти дёрнулась мышца.

Нет, - сказал мужчина в костюме. - Нет. Этого не может быть.

Я уже начинала ненавидеть эту фразу. Потому что обычно, когда взрослый серьёзный человек говорит «этого не может быть», оно уже происходит.

Что значит стабилизация? - спросила я.

Орлов отвёл взгляд. Мужчина в костюме молчал. Громов наконец посмотрел на меня.

Это значит, что контур требует подтвердить связь.

Как?

Он не ответил сразу. И вот это молчание было слишком красноречивым. Я отступила на шаг. В груди снова резко кольнуло, сильнее прежнего. Перед глазами на секунду потемнело. Я схватилась за край стойки. Громов тоже пошатнулся. Едва заметно, но я увидела. Все увидели.

Не отходи, - сказал он глухо.

Не командуйте мной.

Лиза.

Я застыла. Он впервые назвал меня по имени. Не Светлова. Не младший специалист. Не девочка с папкой. Лиза. И почему-то от этого стало хуже.

Не командуйте мной, - повторила я тише.

Тогда не делай себе больно.

Себе?

Он усмехнулся без веселья.

Нам.

Слово упало между нами тяжело. Нам. Как будто это уже существовало. Как будто какая-то древняя железная дрянь на стойке решила, что теперь есть «мы», и даже не спросила, удобно ли мне в ближайшие дни рушить личную жизнь, карьеру и, возможно, анатомическую целостность.

Мужчина в костюме резко развернулся к Орлову.

Вызовите старшего юриста. Немедленно. И начальника смены. Сектор закрыть. Никого не впускать без моего разрешения.

Уже вызвали.

Повторите!

Орлов кивнул одному из охранников. Я тем временем пыталась дышать ровно. Получалось плохо. Потому что стоило мне сделать ещё один маленький шаг от камеры, как боль в груди стала сильнее. Не смертельная, нет. Но такая, будто внутри натянули струну, и каждый сантиметр расстояния заставлял её звенеть. Я вернулась на прежнее место. Боль утихла. Громов это заметил. Конечно, заметил. У него вообще было лицо существа, которое замечает всё: как ты дышишь, куда смотришь, насколько сильно притворяешься, что не боишься.

Прекратите на меня смотреть, - сказала я.

Не могу.

Ответ был слишком быстрым. Слишком честным. Я не нашлась, что сказать. Такое со мной случалось редко, и обычно окружающие пользовались моментом, чтобы насладиться тишиной.

Громов шагнул ещё ближе. Охранники вскинули оружие. Он остановился.

Спокойно, - сказал он, не им, а мне.

Я спокойна.

Нет.

А вы эксперт по моему спокойствию?

По страху.

Я хотела съязвить. Правда хотела. Что-нибудь про богатый опыт, тюремную психологию и сомнительные хобби. Но почему-то спросила:

И чем я пахну?

Опять тишина. Орлов посмотрел на меня так, будто мысленно уже составлял отчёт о моей смерти. Мужчина в костюме закрыл глаза. Громов не улыбнулся. Он смотрел на меня долго. Слишком долго. В его взгляде снова появилось то странное выражение - не голод, нет. Не грубая похоть, не дешёвый интерес, не мужская самоуверенность. Узнавание. Вот что это было. Будто он искал ответ много лет и вдруг услышал его в самом неподходящем месте, от самой неподходящей женщины, через самую идиотскую бюрократическую ошибку в истории Бюро.

Не страхом, - сказал он наконец.

Я сглотнула.

А чем?

Он сделал вдох. Медленно. Глубоко. Так, что у меня подогнулись пальцы в туфлях. Домом.

Я рассмеялась. Нервно. Неправильно. Почти истерично.

Простите, что?

Громов будто сам пожалел, что сказал это вслух. Лицо снова стало закрытым. Жёстким. Неважно.

Нет уж. Вы не можете сказать женщине, которую видите первый раз в жизни, что она пахнет домом, и потом сделать вид, что ничего не было.

Могу.

Не можете.

Лиза.

Что?

Замолчи.

Я открыла рот. Закрыла. Потому что в этот момент в сектор вошла женщина лет пятидесяти в строгом сером костюме, с седыми волосами, собранными в низкий пучок, и лицом человека, который видел всё, включая конец света, и остался недоволен оформлением документов. За ней спешил худой юрист с планшетом, красными глазами и таким видом, будто он мечтал быть кем угодно, только не юристом специзолятора для оборотней.

Кто активировал печать? - спросила женщина.

Все посмотрели на меня. Я подняла раненый палец.

Здравствуйте.

Женщина изучила меня с головы до ног.

Фамилия?

Светлова Елизавета Андреевна.

Возраст?

Двадцать четыре.

Вид?

Уставший человек.

Магическая принадлежность?

Нет.

Родовая линия?

Обычная. Кажется. Мы не храним фамильные проклятия, только долги за коммуналку.

Юрист что-то быстро вносил в планшет. Женщина повернулась к Громову.

Роман.

В её голосе не было страха. Это сразу заставило меня посмотреть на неё внимательнее. Громов чуть склонил голову.

Инесса Марковна.

Объясни.

Она активировала старый контур.

Это я вижу.

Кровью.

Это тоже.

Контур принял её как гаранта.

Временного?

Громов молчал. Женщина сузила глаза.

Роман.

Не только.

Юрист тихо застонал. Мужчина в костюме выругался. Я подняла руку.

Простите, можно мне перевод с вашего древнего оборотничьего юридического на человеческий?

Инесса Марковна посмотрела на меня. В отличие от остальных, она не потребовала замолчать. Уже плюс.

Вы доставили пакет на условное освобождение Романа Громова. Его родовой контур требовал подтверждения передачи через кровь доверенного гаранта. Обычно таким гарантом выступает представитель стаи или назначенный старший куратор Бюро.

Обычно.

Да.

А сегодня выступила я.

Да.

Почему?

Потому что ваша кровь была принята.

А почему она была принята?

Инесса Марковна перевела взгляд на старую печать.

Вот это нам и предстоит выяснить.

А что значит «не только временный гарант»?

Юрист кашлянул. Мужчина в костюме сказал:

Не надо сейчас...

Надо, - перебила я.

Голос мой дрожал, но это было уже неважно. Меня трясло не от страха даже, а от злости. Ненавижу, когда взрослые серьёзные люди разговаривают вокруг тебя так, будто ты шкаф. Особенно когда именно этот шкаф только что случайно открыл клетку с альфой.

Я имею право знать, что со мной произошло.

Инесса Марковна медленно кивнула.

Имеете.

Громов смотрел в сторону. Очень плохой знак.

Старые родовые печати оборотней иногда реагируют не только на юридические полномочия, - сказала Инесса Марковна. - Они могут распознать кровь, совместимую с линией заключённого.

Совместимую для чего?

Инесса Марковна молчала.

Для чего? - повторила я.

Громов ответил вместо неё:

Для пары.

Я моргнула. Один раз. Второй.

Для какой пары?

Никто не засмеялся. Очень жаль. Потому что я бы с удовольствием узнала, что это чья-то идиотская шутка. Скрытая камера. Проверка сотрудников на стрессоустойчивость. Новый тренинг Бюро. Что угодно. Но Громов смотрел слишком серьёзно. Инесса Марковна выгля-

дела так, будто мысленно уже открыла бутылку чего-нибудь крепкого. Орлов держал шокер, но теперь не на Громова, а просто потому, что человеку надо было за что-то держаться.

Нет, - сказала я. Очень уверенно. Почти убедительно.

Громов поднял бровь.

Нет?

Нет. Я отказываюсь.

От чего?

От пары. От совместимости. От всего. У меня планы.

Какие?

Дожить до пятницы.

Он хмыкнул.

Достойно.

Не смейтесь!

Я не смеюсь.

Вы внутренне.

Возможно.

Я повернулась к Инессе Марковне.

Это можно отменить?

Нужно провести проверку.

Нет, вы не поняли. Я спрашиваю: можно ли это отменить прямо сейчас?

Прямо сейчас - нет.

Почему?

Потому что первичное ограничение уже снято, а вы внесены в контур как гарант. Насильственный разрыв может повредить вам обоим.

Повредить - это как?

Юрист уткнулся в планшет с видом человека, который очень надеется, что его не спросят. Я посмотрела на него.

Вы. С планшетом. Как?

Он поднял глаза.

Теоретически возможны болевые реакции, потеря сознания, нарушение сердечного ритма, агрессия объекта, неконтролируемый выброс звериной формы...

Достаточно, - сказала я.

...летальный исход при грубом снятии, - всё-таки закончил он.

Спасибо. Очень хотелось знать.

Я медленно вдохнула. Потом выдохнула. Потом снова вдохнула. Не помогло.

То есть я приехала отвезти бумажку, - сказала я. - Порезала палец о вашу дурацкую биометрию, капнула кровью на древнюю железяку, открыла камеру опасному альфе, стала его гарантом и, возможно, совместимой парой, которую нельзя просто так отцепить, потому что мы оба можем умереть?

Инесса Марковна помолчала.

В грубом изложении - да.

Отлично.

Я посмотрела на Громова.

А вы чего молчите?

Жду, когда ты закончишь кричать.

Я не кричу!

Уже нет.

У вас совесть есть?

Нет.

Ответ прозвучал так спокойно, что я на секунду сбилась.
Очень удобно.

Да.

Вы хоть понимаете, что из-за вас...

Из-за меня?

Он сделал шаг. Охрана снова напряглась. Громов остановился, но теперь в его голосе появилось железо.

Я сидел в своей камере. Никого не трогал. Свободы не просил. Сотрудников Бюро к себе не звал. Кровью в печати не капал.

Я открыла рот. Закрыла. Вот же гад. Формально он был прав. Как неприятно, когда опасный мужик прав. Сразу хочется найти новый аргумент, желательно тяжёлый и тупой.

Значит, виновата я?

Нет.

А кто?

Тот, кто отправил тебя сюда вместо старшего куратора.

Маргарита Павловна. В голове сразу возникло её лицо. Укладка. Очки. Сухие губы. «Не геройствуй, Светлова». Ах ты ж...

Мне нужно позвонить начальнице, - сказала я.

Позже, - отрезала Инесса Марковна. - Сейчас сектор закрыт до стабилизации.

Какой стабилизации?

Юрист снова зашевелился. Инесса Марковна вздохнула.

Контур должен убедиться, что гарант находится в безопасности рядом с объектом.

То есть?

Вам нужно будет подойти к Роману.

Нет.

Громов одновременно сказал:

Не надо.

И мы оба посмотрели друг на друга. Это было странно. Очень. Я ожидала, что он будет доволен. Ну конечно. Опасный альфа, внезапная связь, испуганная девица, которую древний закон подталкивает ближе. Готовая сцена для какого-нибудь дешёвого романа с обложкой, где мужчина без рубашки смотрит так, будто у него аллергия на ткань. Но Громов не выглядел довольным. Он выглядел злым. Не на меня. На ситуацию. На печать. На всех. Может, даже на себя.

Роман, - сказала Инесса Марковна жёстко. - Если контур не стабилизировать, её начнёт ломать. И тебя тоже.

Я выдержу.

А она?

Он не ответил. Спасибо, конечно.

Я подняла руку.

Она вообще-то здесь.

Инесса Марковна посмотрела на меня уже мягче.

Елизавета, никто не заставит вас делать ничего опасного.

Я огляделась. Открытая камера. Охрана с оружием. Красный свет. Сирена. Альфа в двух шагах. Древняя печать, которая решила устроить мне личную жизнь.

Мы, видимо, по-разному понимаем слово «опасное».

Вам нужно будет подойти на расстояние вытянутой руки. Не больше. Роман не причинит вам вреда.

Откуда вы знаете?

Инесса Марковна посмотрела на Громова.

Потому что если причинит, я лично прослежу, чтобы остаток жизни он провёл не в камере, а в серебряной шахте.

Громов усмехнулся.

Скучали, Инесса Марковна?

Не особенно.

Я тоже.

Я переводила взгляд с одного на другого.

У вас тут клуб старых знакомых? Может, чай принести?

Лиза, - сказал Громов.

Я резко повернулась к нему.

Что?

Дыши.

Не указывайте мне, как пользоваться лёгкими.

Ты сейчас упадёшь.

Не упаду.

И, конечно, в этот момент пол слегка качнулся. Не сильно. Так, чтобы доказать, что тело у меня тоже с чувством юмора. Громов дёрнулся вперёд, но остановился, потому что охранники вскинули оружие. Орлов успел подхватить меня за локоть.

Садитесь.

Не надо.

Садитесь, Светлова.

Меня посадили на стул, который кто-то быстро притащил из коридора. Я опустила голову, пытаюсь справиться с тошнотой и звоном в ушах. Печать продолжала гудеть. Тише, но настойчивее. Будто где-то далеко билось чужое сердце. Нет. Не чужое.

Я подняла глаза. Громов стоял неподвижно. Но теперь я почему-то чувствовала его присутствие даже с закрытыми глазами. Не запах. Не звук. Не взгляд. Просто знала, где он. Как знаешь, где окно в тёмной комнате. Как чувствуешь огонь рядом с кожей.

Это ненормально, - прошептала я.

Да, - сказал он.

Впервые без насмешки. И это почему-то действовало лучше любых успокоительных слов. Инесса Марковна подошла ближе, но держалась сбоку, не перекрывая мне Громова.

Елизавета. Послушайте меня внимательно. Старый контур уже связал вас на первичном уровне. Сейчас он не понимает, враждебна ли среда. От этого болевая реакция. Если вы добровольно подойдёте и позволите Роману коснуться вашей руки, контур должен признать отсутствие угрозы. Боль уйдёт. После этого мы сможем перевести вас в юридический сектор и оформить временный статус без риска.

Позволю коснуться руки, - повторила я.

Да.

И всё?

Для стабилизации первичного контура - да.

А потом я уеду домой?

Снова тишина. Я закрыла глаза.

Что опять?

Юрист жалобно сказал:

До решения комиссии гарант не может покинуть объект без сопровождаемого лица.

Отлично. Дайте сопровождаемое лицо, я поеду домой.

Сопровождаемое лицо - объект, - добавил он почти шёпотом.

Я открыла глаза.

Объект - это он?

Юрист кивнул на Громова, стараясь не смотреть прямо.

До выяснения обстоятельств Роман Громов может быть освобождён только под вашим внешним контролем.

То есть он поедет со мной?

Предварительно...

Он. Поедет. Со мной?

Инесса Марковна сухо сказала:

Вероятнее всего, да.

Я медленно повернулась к Громову. Он молчал. И вот на его лице снова появилась эта проклятая почти-улыбка. Маленькая. Наглая. Еле заметная.

Нет, - сказала я ему.

Я ничего не сказал.

Вы подумали.

Возможно.

Не думайте.

Поздно.

Я не повезу вас домой!

Уверена?

Абсолютно!

Печать на стойке вспыхнула. В груди снова кольнуло. Я стиснула зубы. Громов перестал улыбаться.

Хватит спорить с контуром.

Я не спорю с контуром! Я спорю с вами!

Ему всё равно.

А мне нет!

Лиза.

Что?!

Он протянул руку. Медленно. Ладонью вверх. Не хватая. Не требуя. Не приказывая. Просто протянул. И это почему-то выбило меня сильнее, чем если бы он рывкнул. Потому что в моей голове он уже был чудовищем. Зверем из клетки. Альфой с красным уровнем риска. Мужчиной, который ломает рёбра и говорит про ошейники так, будто пробовал на вкус чужую свободу. А он стоял передо мной с открытой ладонью и ждал. Не приближался. Не давил. Ждал, пока я сама решу.

Ненавижу такие моменты. В них сложнее злиться.

Если я подойду, - сказала я медленно, - вы ничего не сделаете.

Сделаю.

Я замерла.

Что?

Коснусь твоей руки. Как сказали.

И всё?

И всё.

Не зарычите?

Постараюсь.

Это плохой ответ.

Честный.

Я посмотрела на Инессу Марковну.

Он точно не кусается?

Громов тихо сказал:

Кусаюсь.

Я ткнула в него пальцем:

Вам слово не давали.

Инесса Марковна, кажется, едва заметно улыбнулась. Или мне показалось.

Елизавета, решение за вами. Но чем дольше мы ждём, тем сильнее будет реакция.

Конечно. Вселенная всегда так делает. Сначала подсовывает тебе выбор между плохим и ужасным, а потом ещё ставит таймер.

Я медленно встала. Орлов придержал меня за локоть.

Осторожно.

Спасибо.

Не делайте резких движений.

Я уже поняла. Сегодня вообще день нерезких движений.

Я сделала шаг к Громову. Боль в груди ослабла. Ещё шаг. Ещё. Каждый сантиметр казался странным. Не страшным даже - неправильным. Словно я двигалась не к человеку, а к чему-то, что давно ждало меня в тёмном углу мира, и теперь весь этот мир затаил дыхание.

Громов стоял неподвижно. Близко. Слишком близко. Я оказалась перед ним и вдруг поняла, что едва достаю ему до плеча. В отчётах надо было писать не «альфа», а «шкаф с тяжёлым характером».

Ну? - сказала я, потому что молчать стало невозможно.

Что «ну»?

Стабилизируйте уже.

Он посмотрел на мою руку.

Ты дрожишь.

От восторга.

Конечно.

Не комментируйте.

Пытаюсь.

Плохо.

Знаю.

Я протянула ему руку. Раненую. Капля крови уже подсохла, оставив красный след на подушечке пальца. Громов не схватил. Он коснулся осторожно. Кончиками пальцев. И мир провалился в тишину.

Не исчез. Не погас. Просто всё лишнее отступило. Сирена. Голоса. Красный свет. Дыхание охраны. Гул вентиляции. Мои собственные мысли, обычно носящиеся в голове как стая испуганных куриц. Осталось только тепло его пальцев. И удар сердца. Не моего. Или моего тоже.

Я резко вдохнула. Громов сжал мою руку чуть крепче, но всё ещё осторожно. Его ладонь была горячей, сухой, шершавой от старых мозолей. Большая настолько, что моя рука почти исчезла в ней. Боль в груди исчезла мгновенно. Словно её выключили.

Печать на стойке вспыхнула ярко-красным и погасла. На панели появилась новая строка: «Контур стабилизирован. Гарант подтверждён. Дистанция связи: активна». А ниже, после короткой паузы: «Срок первичного решения: 7 дней».

Я уставилась на цифру. Семь. Семь дней. Семь дней чего?

Громов тоже посмотрел на панель. Его лицо стало мрачным.

Нет, - сказала я.

Никто не ответил.

Нет-нет-нет. Что значит семь дней?

Юрист тихо прочистил горло.

Минимальный срок проверки первичной связи до безопасного снятия или подтверждения.

То есть?..

Он сглотнул.

В течение семи дней вы и Роман Громов должны находиться в пределах допустимой дистанции.

Какой дистанции?

Первично - не более двадцати метров. После адаптации, возможно, больше.

Я медленно повернулась к Громову. Он всё ещё держал мою руку. Я выдернула её. Не резко. Я уже научилась.

Поздравляю, - сказала я ему. - Кажется, вы испортили мне неделю.

Он посмотрел на меня сверху вниз. И впервые улыбнулся по-настоящему. Медленно. Темно. Совершенно не к месту.

Ошибаешься, Лиза.

Да неужели?

Я, похоже, испортил тебе не только неделю.

Сзади кто-то выругался. Инесса Марковна сказала:

Роман.

Но я уже смотрела только на него. На огромного альфу из клетки. На мужчину, которого сегодня утром не было в моей жизни. На проблему с серыми глазами, горячей ладонью и семью днями, которые теперь висели между нами как приговор.

Ещё раз назовёте меня Лизой таким тоном, - сказала я, - и я подам жалобу.

На что?

На всё.

В Бюро любят жалобы?

Обожают. Особенно если к ним приложить три экземпляра моей истерики.

Он наклонился чуть ниже. Совсем немного. Но воздух между нами снова стал горячим и тесным.

Тогда пиши, малышка.

Я застыла. Орлов тихо сказал:

О нет.

И он был прав. О нет. Потому что если этот огромный бородатый кошмар думал, что после одной древней печати, одного случайного пореза и одного слова «пара» может называть меня малышкой, то его ждало разочарование. Большое. Шумное. С бюрократическими последствиями.

Я подняла голову и улыбнулась. Не мило. Не нежно. А так, как улыбаются женщины, у которых только что отняли спокойную жизнь, но забыли отнять язык.

Послушайте, Роман Владимирович, - сказала я сладко. - Малышка у вас, возможно, в личном деле написана. А мне двадцать четыре, у меня стаж в Бюро, просроченная квартплата, нервный кот и очень плохой характер. Поэтому следующие семь дней вы будете называть меня Елизавета Андреевна.

Громов смотрел на меня. Потом на его лице снова появилась эта невозможная улыбка.

Как скажешь, малышка.

И вот тогда я окончательно поняла: сегодня утром Маргарита Павловна отправила меня не в специзолятор. Она отправила меня в ад. Просто у ада оказались серые глаза, чёрная борода и временное освобождение под мою личную ответственность.

Глава 2. Не смотреть в глаза

Если когда-нибудь в Бюро магического надзора решат ввести новую форму дисциплинарного взыскания, я готова предложить им прекрасный вариант: оставить сотрудника наедине с последствиями его же случайной капли крови. Без премии, без объяснений, без права позвонить маме и сказать, что сегодня она, кажется, была права, когда советовала мне идти работать в библиотеку. Потому что в библиотеке максимум на тебя падает книжная полка. Полка, конечно, тоже неприятно, но она хотя бы не смотрит на тебя серыми глазами, не пахнет лесом после дождя и не становится твоим «сопровождаемым объектом» на ближайшие семь дней.

Я стояла в секторе тринадцать, всё ещё чувствуя на коже тепло пальцев Романа Громова, и пыталась сделать вид, что у меня не дрожат колени. Получалось плохо. Очень плохо. Настолько плохо, что даже Орлов, который видел перед собой, судя по лицу, людей в куда более жалком состоянии, смотрел на меня с выражением профессиональной осторожности: как на гранату, у которой уже вынули чеку, но она почему-то ещё спорит о трудовом законодательстве. Красный свет тревоги продолжал бить по стенам, но сирена наконец стихла, сменившись глухими короткими сигналами где-то в коридоре. От этого стало не спокойнее, а хуже. Пока сирена выла, можно было делать вид, что вокруг чрезвычайная ситуация и никто не ждёт от тебя разумного поведения. Когда она замолчала, разумное поведение снова стало бы уместным. А мне его взять было негде.

Громов стоял в двух шагах от меня и, к моему раздражению, выглядел так, будто именно он здесь единственный не собирается падать в обморок, ругаться с начальством, требовать адвоката, чай, плед и моральную компенсацию. На нём всё ещё была тёмная тюремная форма, браслет подавления на запястье тускло мерцал, волосы чуть взъерошены, на лице та самая непереносимая каменная собранность, от которой хотелось одновременно отойти подальше и швырнуть в него чем-нибудь канцелярским. Если бы не открытая камера за его спиной, не охрана с оружием и не древняя печать, которая решила превратить мой рабочий день в брачный цирк с элементами уголовного права, можно было бы подумать, что это не он три года просидел в изоляторе, а все остальные только что пришли к нему на неудобный приём.

Инесса Марковна, женщина с седым пучком и взглядом генерального прокурора в мире оборотней, отдала несколько коротких распоряжений, после чего сектор начал медленно возвращаться из режима «все умрут» в режим «все будут оформлять документы до ночи». Охранники не убрали оружие, но опустили стволы. Мужчина в тёмном костюме, которого, как выяснилось из обрывков разговоров, звали Виктором Сергеевичем и который занимал какую-то важную должность начальника внутреннего режима, отошёл к стене и разговаривал по защищённой связи таким тоном, будто лично я за десять минут уничтожила его карьеру, здоровье и веру в регламент. Юрист с красными глазами продолжал лихорадочно листать протоколы на планшете. Орлов держался рядом со мной, и это было даже почти мило, если забыть, что при первой же необходимости он, скорее всего, должен был стрелять не в меня, а через меня, если Громов вдруг решит, что сегодня хороший день для побега.

- Елизавета Андреевна, - сказала Инесса Марковна, подходя ко мне, - сейчас мы переведём вас в юридический сектор. Там оформят временный акт гаранта, после чего комиссия примет решение о режиме сопровождения.

Мне очень не понравилось слово «режим». В Бюро вообще любили такие слова: режим, акт, сопровождение, допуск, процедура, объект. За ними всегда скрывалось что-то человеческое, живое и ужасно неудобное, но завернутое в бумажку так плотно, что можно было не слышать, как оно внутри шевелится.

- А можно без режима? - спросила я. - У меня сегодня вообще-то был обычный день. Я планировала внести три заявки, поспорить с принтером, пообедать чем-нибудь вредным и вернуться домой к коту, который, в отличие от некоторых, не требует стабилизации контура.

Громов чуть повернул голову. Кажется, слово «кот» его заинтересовало. Или он просто продолжал делать вид, что всё слышит случайно.

- Нельзя, - ответила Инесса Марковна. - Вы внесены в родовой контур Громова. До выяснения обстоятельств ваши перемещения, контакты и физическое состояние будут иметь юридическое значение.

- Моё физическое состояние давно имеет юридическое значение. Его можно использовать как доказательство плохой организации труда.

- Светлова, - тихо сказал Орлов.

- Что?

- Сейчас не время.

- А когда будет время? Когда мне выдадут поводок в двух экземплярах?

Громов фыркнул. Почти неслышно, но я услышала. Разумеется, услышала, потому что после этой проклятой стабилизации мне казалось, что я слышу даже то, как у него меняется настроение. Не мысли, конечно. До мыслей дело, слава всем богам бюрократии, не дошло. Но где-то под кожей постоянно жило ощущение его присутствия. Как источник тепла. Как тяжёлая тень. Как включённый прибор, который стоит за спиной и тихо гудит, хотя его никто не просил.

Я резко повернулась к нему.

- Вам весело?

- Нет.

- Опять врёт плохо.

- Учусь у перспективного младшего специалиста.

- Я сейчас официально потребую внести в акт, что объект ведёт себя хамски.

- Внеси.

- И внесу.

- Елизавета Андреевна, - сказала Инесса Марковна уже жёстче, - чем быстрее мы уйдём из сектора, тем быстрее вы получите ответы.

- Ответы я получаю уже полчаса. Пока они все сводятся к тому, что я случайно стала приложением к опасному оборотню.

- Не приложением, - заметил юрист, не поднимая головы от планшета. - Временным внешним гарантом с признаками первичной парной совместимости.

Я посмотрела на него. Он медленно поднял глаза и сразу пожалел, что родился.

- Простите, - сказал он.

- Вот именно. Запомните это чувство.

Громов снова почти улыбнулся. Я решила, что следующие семь дней, если они действительно состоятся, будут посвящены не романтическому напряжению, а моему постепенному желанию ударить его чем-нибудь тяжёлым и служебным.

Нас вывели из сектора не сразу. Сначала Громову приказали отойти к стене, поднять руки и позволить охране проверить браслет подавления. Он подчинился, но сделал это так, что подчинением это назвать было трудно. Просто в какой-то момент он решил, что людям вокруг будет полезно почувствовать себя важными, и разрешил им приблизиться. Двое охранников двигались к нему с такой осторожностью, будто подходили к раненому тигру, который временно подписал договор о ненападении. Один подключил к браслету небольшое устройство, второй держал наготове серебряную сеть. Громов смотрел поверх их голов в стену, но я всё равно видела, как напряжены его плечи. Тюремная ткань обтягивала мышцы, на шее под кожей едва заметно ходила жила. Он не боялся. Нет. Это было другое. Он терпел прикосновения чужих рук, и терпение это стоило ему явно больше, чем хотелось показывать.

Не знаю, почему я это заметила. Не знаю, почему мне вообще стало не всё равно. Наверное, потому что, когда тебе говорят, что ты семь дней должна находиться в пределах двадцати метров от какого-то мужчины, мозг автоматически начинает собирать информацию об этом мужчине с отчаянностью человека, которого заселили в одну квартиру с неизвестным хищником и выдали инструкцию на мёртвом языке.

- Браслет активен, - сказал охранник, отступая. - Но первичный контур его частично обходит.

- Насколько частично? - спросил Виктор Сергеевич.

- Достаточно, чтобы не полагаться только на браслет.

- Прекрасно, - сказала я. - Может, тогда всё-таки не будем выпускать его из камеры? Просто идея. Бесплатная. Дарю.

Громов посмотрел на меня.

- Боишься ехать со мной?

- Я боюсь людей, которые говорят «не полагаться только на браслет» рядом с существом красного уровня риска.

- Разумно.

- Не надо соглашаться со мной таким голосом.

- Каким?

- Таким, будто я сказала что-то милое.

- Ты сказала что-то разумное. Это редкость?

- Роман, - сказала Инесса Марковна.

Он перевёл взгляд на неё, и снова в нём появилось это странное уважение старого знакомого. Не тёплое, не мягкое, но настоящее. Инесса Марковна явно была из очень небольшого числа людей, которым Громов позволял говорить с собой не как с объектом.

- Тебя переведут в юридический сектор вместе с ней, - сказала она. - Без резких движений, без провокаций, без демонстрации силы. Любой жест, который охрана сочтёт угрозой, будет зафиксирован как нарушение условий первичного освобождения.

- У меня уже есть условия освобождения? - спросил он.

- Благодаря Светловой - да.

- Не благодаря, а вопреки, - вмешалась я.

- Разница тонкая, - сказал Громов.

- Для вас, может быть. У меня в жизни сегодня появилась огромная разница между «передать папку» и «стать гарантом альфы».

- Размер имеет значение?

Орлов кашлянул. Юрист уронил стилус. Виктор Сергеевич закрыл лицо рукой. А я на секунду даже потеряла дар речи, что, как уже было установлено, случалось редко и обычно в присутствии катастроф.

- Вы сейчас серьёзно? - спросила я наконец.

- Ты сама сказала «огромная».

- Я сказала не в этом смысле!

- А я уточнил.

- Елизавета Андреевна, - Инесса Марковна произнесла моё имя так, будто одной интонацией пыталась удержать цивилизацию от падения в бездну. - Пожалуйста. Юридический сектор.

Я глубоко вдохнула. Получилось почти спокойно. Почти.

- Хорошо. Ведите меня туда, где это безобразие хотя бы оформят официально.

И мы пошли.

Если бы кто-то показал мне со стороны эту процессию, я бы, наверное, решила, что это дурной сон сотрудницы, которая переехала на ночь дешёвых роллов. Впереди шли двое охран-

ников, за ними Инесса Марковна и Виктор Сергеевич, потом я, рядом Орлов, за моей спиной Громов, а за ним ещё двое охранников с оружием. Коридор был достаточно широким, но мне всё равно казалось, что Громов занимает в нём половину пространства, хотя шёл молча, ровно, не приближаясь ко мне больше, чем нужно. Но «нужно» теперь определяла не я, а древний контур, который начинал неприятно тянуть в груди, стоило нам случайно увеличить расстояние на пару лишних шагов. Поэтому я быстро научилась не ускоряться и не отставать. Очень унижительный опыт: подстраивать темп ходьбы под мужчину, с которым ты познакомилась двадцать минут назад, потому что иначе магическая железка дёргает тебя за сердце.

Мы миновали помещение наблюдения, и я краем глаза увидела, как операторы таращатся в мониторы. Один даже приоткрыл рот. На экранах, наверное, всё происходящее выглядело особенно эффектно: маленькая сотрудница Бюро с папкой, рядом вооружённая охрана, за ней огромный альфа, впервые вышедший из камеры за три года. Я поймала своё отражение в стекле. Светло-каштановые волосы растрепались, лицо бледное, глаза слишком большие, губы сжаты. Ни тебе роковой героини, ни магической избранницы, ни женщины, которая уверенно входит в жизнь опасного мужчины и меняет его судьбу. Скорее девица, которая утром не успела нормально накраситься, а теперь вынуждена решать вопросы древнего оборотничьего права.

- Не отставай, - негромко сказал Громов за моей спиной.

Я не обернулась.

- Ещё раз скажете мне, что делать, и я отстану назло.

- Будет больно.

- Мне или вам?

- Обоим.

- Тогда потерпите.

- Уже терплю.

Я всё-таки обернулась. Ошибка. Он шёл близко, слишком близко для человека, которого хочется игнорировать. В красноватом свете коридора его глаза казались темнее, почти стальными. На лице не было улыбки, но в углу рта жило подозрение на неё. Ужасный человек. Нечеловек. Объект. Как угодно.

- Вы терпите? - спросила я. - Вы?

- Да.

- Что именно?

Он опустил взгляд на меня. Не вниз, как на мелочь. Просто из-за роста иначе было невозможно. И от этого стало ещё неприятнее, потому что я вдруг остро осознала, какая между нами разница в габаритах. Мне бы потребовалась стремянка, чтобы смотреть на него свысока. Желательно железная. С острым краем.

- Желание сказать тебе, что ты очень шумная, - ответил он.

- А я терплю желание сказать вам, что вы очень самодовольный.

- Не терпишь. Уже сказала.

- Это была демагогия.

- Жду полную.

Орлов, шедший рядом, тихо произнёс:

- Я прошу вас обоих. Очень прошу.

И в его голосе было столько усталости, что я почти устыдилась. Почти. Потому что, как известно, стыд плохо приживается там, где процветает паника.

Юридический сектор оказался неожиданно светлым. После бетонных коридоров, рун, камер и красной тревожной подсветки помещение выглядело почти как обычный офис: серые стены, столы, стеклянные перегородки, несколько рабочих мест, кофемашина, шкафы с документами, экран для совещаний. Только на окнах вместо жалюзи были тонкие серебристые

решётки, а у двери стояли два охранника. Видимо, чтобы посетители не забывали: офис офисом, а если что, вас тут всё равно пристрелят, свяжут или юридически стабилизируют.

Меня усадили за длинный стол. Громова посадили напротив, но не прямо напротив меня, а немного наискосок, будто кто-то пытался соблюсти и безопасную дистанцию, и требования проклятого контура. Получилось плохо. Я всё равно чувствовала его. Если бы меня попросили закрыть глаза и показать, где он, я бы ткнула пальцем без ошибки. Это бесило сильнее всего. Даже сильнее, чем его улыбка. Улыбка хотя бы была на лице. А это было внутри.

Инесса Марковна села во главе стола. Виктор Сергеевич остался стоять, всем видом показывая, что садиться вместе с виновниками бедствия ниже его достоинства. Юрист, который представился как Павел Игоревич, устроился рядом с планшетом, несколькими распечатками и выражением человека, которому хочется назад в университет, даже если там сессия. Орлов встал у стены. Охрана заняла места у двери. На стол передо мной положили стакан воды. Я выпила половину залпом, хотя вода была комнатной температуры и на вкус напоминала трубопроводную тоску.

- Итак, - сказала Инесса Марковна, складывая руки перед собой. - Зафиксируем основные обстоятельства. Сегодня в десять пятьдесят семь сотрудник Бюро магического надзора Светлова Елизавета Андреевна прибыла в специзолятор «Северный контур» для передачи пакета документов по делу Романа Владимировича Громова. В одиннадцать тридцать две при проведении процедуры подтверждения доставки произошла непредусмотренная активация родового контура заключённого. Кровь Светловой Елизаветы Андреевны была принята контуром как кровь внешнего гаранта, после чего первичное ограничение камеры было снято. Контур стабилизирован через добровольный физический контакт. Срок первичного решения - семь дней.

- Звучит почти прилично, - сказала я. - Если убрать тот момент, где я случайно открыла клетку с альфой.

- Камеру, - поправил Павел Игоревич.

- Что?

- Формально это камера. Клетка - термин эмоциональный и юридически некорректный. Я посмотрела на Громова.

- Вам принципиально? Камера или клетка?

Он опёрся спиной о стул. Стул выглядел нервно.

- Нет.

- Вот видите, Павел Игоревич. Объект не против эмоционального термина.

- Я бы попросил не называть Романа Владимировича объектом в рамках личного диалога, - осторожно сказал юрист.

- Почему? Все остальные называют.

- В рамках протокола. Но теперь ваши отношения осложнены гарантийной связью.

- У нас нет отношений.

Громов поднял взгляд.

- Нет?

- Нет.

- Совсем?

- Совсем.

- А связь есть.

- Связь не считается. Это производственная травма.

Павел Игоревич быстро что-то записал. Я не выдержала:

- Вы это сейчас серьёзно записали?

- Любые формулировки сторон могут иметь значение.

- Тогда запишите: сторона Светлова считает происходящее полным бредом.

Он посмотрел на Инессу Марковну. Та кивнула. Павел Игоревич записал. Я не знала, смеяться или начинать рыдать.

- Теперь главное, - продолжила Инесса Марковна. - Нам необходимо определить, почему контур принял именно вашу кровь. У вас были контакты с родом Громовых? Стаями? Оборотнями? Родственными линиями?

- Нет.

- Подумайте внимательно.

- Я бы запомнила, если бы в моей жизни уже были огромные бородатые оборотни с древними печатями.

Громов посмотрел на меня поверх стола.

- Огромные бородатые?

- Это не комплимент.

- Тогда заберу обратно.

- Я вас вообще не отдавала.

- Елизавета Андреевна, - сказала Инесса Марковна.

- Простите. Нет. Не было. Я из обычной семьи. Мама бухгалтер. Отец... - Я запнулась. Не потому, что собиралась скрывать семейную драму от специзолятора, а потому что слово «отец» до сих пор оставалось во мне чем-то вроде старой занозы. Не болит каждую секунду, но стоит задеть - и сразу вспоминаешь, что она там. - Отец работал в Бюро. Давно. Потом ушёл.

Громов едва заметно изменился. Не лицом даже. Всем телом. До этого он сидел тяжело и спокойно, а теперь в нём что-то сжалось. Как у зверя, который услышал знакомый звук в лесу.

Инесса Марковна заметила это одновременно со мной.

- Фамилия отца?

Я посмотрела на неё. Почему-то мне стало неприятно. Очень.

- Светлов Андрей Михайлович.

На этот раз Громов не смог скрыть реакцию. Он медленно выпрямился. Его глаза стали совсем другими. Не насмешливыми, не холодными, не оценивающими. Острыми.

- Андрей Светлов? - спросил он.

Мне не понравилось, как он произнёс имя отца. Слишком уверенно. Слишком лично.

- Вы его знали?

Громов молчал. И вот это молчание было ответом само по себе.

- Роман, - сказала Инесса Марковна.

Он перевёл взгляд на неё, но отвечал мне:

- Знал.

Одно слово. Сухое. Тяжёлое. Как камень, упавший в воду.

Я выпрямилась.

- Откуда?

- Он вёл часть моего дела.

- Неправда.

- Почему?

- Потому что отец ушёл из Бюро раньше. До вашего дела.

- Кто тебе это сказал?

Я открыла рот. И закрыла. Потому что ответ был очевидный: мама, архивная справка, официальная версия, старые разговоры взрослых, которые замолкали, когда я входила в комнату. Отец не просто ушёл. Отец исчез из нашей жизни так аккуратно, как исчезают люди, о которых потом не любят говорить. Сначала были ночные звонки, потом командировки, потом мама с каменным лицом и фраза: «Папа больше не работает в Бюро». Потом вещи, собранные в коробку. Потом тишина. Я тогда была подростком и решила, что у взрослых своя отвратительная жизнь, в которой они могут предавать друг друга, исчезать и оставлять после себя только

долги, старую куртку и запах табака в прихожей. Позже я пыталась искать документы. Нашла мало. Слишком мало для человека, который официально просто ушёл.

- Мне сказали, что он уволился до вашей посадки, - сказала я.

- Тебе солгали.

В комнате стало очень тихо.

- Осторожнее, Роман, - предупредила Инесса Марковна.

- Она всё равно узнает.

- Не здесь.

- Как мило, - сказала я. - Все опять знают что-то обо мне, кроме меня.

Виктор Сергеевич вмешался:

- Биография родственников Светловой не имеет прямого отношения к текущей процедуре.

Громов медленно повернул к нему голову.

- Имеет.

- На каком основании?

- Андрей Светлов был одним из тех, кто считал, что меня подставили.

Если бы он ударил кулаком по столу, эффект был бы слабее. Я даже не сразу поняла смысл. Слова дошли с задержкой. Подставили. Отец. Дело Громова. Красный уровень риска. Убийство главы «Северных». Три года в камере. Папка, которую Маргарита Павловна сунула мне в руки. Моя кровь, которую древняя печать почему-то приняла.

- Нет, - сказала я тихо. - Подождите. Вы хотите сказать, что мой отец участвовал в пересмотре вашего дела?

- Не в пересмотре.

- А в чём?

Громов посмотрел на Инессу Марковну. Та едва заметно покачала головой. Он вернул взгляд ко мне.

- В попытке не дать ему стать приговором.

У меня внутри всё похолодело.

- А потом он исчез, - сказала я.

Громов ничего не ответил. И это было хуже любого ответа.

- Нет, - повторила я уже злее. - Нет. Не надо делать такое лицо. Я не героиня трагического семейного расследования. Я младший специалист, которого сегодня послали с папкой. Если у вас есть информация о моём отце, вы скажете её нормально. Сейчас.

- Лиза...

- Елизавета Андреевна, - отрезала я. - Мы же договорились.

- Мы не договаривались.

- Тогда я договорилась сама с собой, и это самый надёжный договор в этой комнате.

Громов смотрел на меня несколько секунд. Потом сказал:

- Я не знаю, что с ним стало. Но он не увольнялся добровольно.

Я почувствовала, как пальцы сжимаются на стакане. Пластик тихо хрустнул.

- Откуда вы знаете?

- Потому что за два дня до моего ареста он сказал, что нашёл доказательство. А за день до ареста не пришёл на встречу.

- Какую встречу?

- Со мной.

- Зачем?

- Чтобы передать документы.

Я коротко рассмеялась. Очень неприятно. Не потому, что было смешно, а потому что мозг отказался сразу принимать новую реальность без какого-нибудь нервного шума.

- Конечно. Документы. В нашей семье все проблемы начинаются с документов.

Инесса Марковна положила ладонь на стол.

- Сейчас мы не можем обсуждать обстоятельства старого дела без доступа к материалам. Елизавета, я понимаю, что это важно, но в данный момент первичная задача - ваша безопасность и юридический статус Романа.

- Моя безопасность? - переспросила я. - Моя безопасность закончилась в тот момент, когда кто-то решил отправить меня в изолятор вместо старшего куратора. Кстати, кто именно это решил?

Виктор Сергеевич тут же отвёл взгляд. Очень быстро. Но я заметила. И Громов заметил. И Инесса Марковна заметила. В комнате будто стало на градус холоднее.

- Направление было согласовано Бюро, - сказал Виктор Сергеевич.

- Кем?

- Вашим руководством.

- Маргаритой Павловной?

- Не только.

- Что значит «не только»?

- Список согласования мы запросим, - сказала Инесса Марковна. - Не сейчас.

- Нет, именно сейчас. Потому что я начинаю подозревать, что моя кровь оказалась здесь не совсем случайно.

Павел Игоревич перестал печатать. Орлов у стены напрягся. Громов стал неподвижен, как камень перед обвалом.

Виктор Сергеевич медленно сказал:

- Вы делаете опасные выводы на основании стресса.

- Я делаю выводы на основании того, что меня, сотрудника с самым низким допуском, отправили к заключённому, у которого, как вы сами сказали, нет стандартных протоколов. При этом никто не предупредил меня о родовой печати, о крови, о риске активации, о том, что мой отец был связан с его делом. Это не стресс. Это арифметика.

Громов смотрел на меня уже без насмешки. И, кажется, впервые за всё время не как на шумную проблему, а как на человека, который быстро перестаёт быть удобной дурочкой с папкой.

- У тебя хороший язык, - сказал он.

- Я не разрешала его оценивать.

- И голова работает.

- Это вас удивляет?

- После первого впечатления - да.

- Вы невыносимы.

- Уже говорил.

- А я повторяю для протокола.

Павел Игоревич по инерции потянулся к планшету.

- Не записывайте это! - рывкнули мы с Громовым одновременно.

На секунду в комнате повисло странное молчание. Орлов отвернулся к стене, но я была почти уверена, что он улыбается. Инесса Марковна устало прикрыла глаза.

- Прекрасно, - сказала я. - У нас уже синхронизация раздражения. Это входит в признаки парной совместимости?

- Неофициально - да, - пробормотал Павел Игоревич и тут же побледнел.

Я медленно повернулась к нему. Он вжался в стул.

- Простите.

- Павел Игоревич, вы сегодня слишком часто извиняетесь. Это подозрительно.

- Я юрист. Это профессиональное.

И, к сожалению, мне стало смешно. Ненадолго, неправильно, но стало. Смех вышел тихим и нервным, зато на секунду позволил вдохнуть глубже. В комнате будто ослабла удавка. Даже Громов отвёл взгляд к окну, словно решил не замечать, что я почти сорвалась.

Инесса Марковна воспользовалась паузой.

- Елизавета, сейчас вам нужно подписать первичный акт. Он не закрепляет пару, не подтверждает совместимость и не лишает вас прав. Он фиксирует факт активации контура и временные ограничения, необходимые, чтобы вы оба остались живы до решения комиссии.

- Великолепная рекламная подача. «Подпишите, чтобы остаться живы». У вас буклетов случайно нет?

- Есть только акт.

Павел Игоревич развернул ко мне планшет. На экране был длинный документ, написанный тем самым языком, который люди придумали, чтобы человеческая боль выглядела как пункт 4.3.2. Я пробежала глазами первые строки. «Светлова Елизавета Андреевна добровольно подтверждает информированность о временном статусе внешнего гаранта...» Добровольно. Конечно. Обожаю добровольность под охраной, рядом с альфой и с угрозой сердечного ритма при дистанцировании.

- Я хочу внести замечание, - сказала я.

Павел Игоревич оживился.

- Какое?

- Что добровольность в данном случае обусловлена отсутствием вменяемой альтернативы.

Он быстро напечатал.

- Ещё?

- Что я требую служебного расследования по факту направления младшего специалиста к заключённому с нестандартным родовым контуром.

Он напечатал.

- Ещё?

- Что объект... - Я посмотрела на Громова. - Что Роман Владимирович ведёт себя провокационно.

- В каком смысле? - спросил Павел Игоревич.

- Во всех.

- Это неконкретно.

- Зато ёмко.

Громов наклонился чуть вперёд.

- Тогда внеси, что гарант ведёт себя шумно, не выполняет инструкции и провоцирует объект.

- Я? Провоцирую?

- Да.

- Чем?

- Дышишь.

Павел Игоревич замер с пальцами над экраном.

- Это вносить?

- Нет! - сказала я.

- Да, - сказал Громов.

- Павел Игоревич, если вы это внесёте, я найду способ объявить ваш планшет соучастником.

Он убрал руки от экрана.

- Не вношу.

Инесса Марковна, кажется, уже жалела, что не оставила нас в секторе тринадцать под сиреной. Там хотя бы всё было ясно: угроза, протокол, оружие. А здесь приходилось иметь дело с нами живыми, говорящими и почему-то не желающими вести себя как взрослые участники юридической процедуры.

Документ я всё-таки подписала. Электронной подписью, раненым пальцем, потому что устройство снова требовало биометрию, и я минуту спорила с ним как с личным врагом. На этот раз кровь не понадобилась, иначе я бы, наверное, устроила скандал такого масштаба, что родовой контур сам бы попросил прощения. После моей подписи документ повернули к Громову. Он прочитал гораздо быстрее, чем я ожидала. Впрочем, я вообще почему-то ожидала от него больше зверя, меньше человека, умеющего быстро читать юридические формулировки.

- Пункт о дистанции, - сказал он.

Павел Игоревич вскинулся.

- Да?

- Сформулирован плохо.

Юрист моргнул.

- Простите?

- «Не более двадцати метров при отсутствии физической угрозы и стабильном состоянии контура». Кто определяет физическую угрозу?

- Дежурный куратор.

- А если куратор решит, что угроза есть, и попытается изолировать её от меня?

- Тогда...

- Тогда контур воспримет это как принудительный разрыв. Исправь.

Павел Игоревич посмотрел на Инессу Марковну. Та кивнула.

- На какую формулировку?

- «Любое изменение дистанционного режима допускается только при одновременной фиксации состояния обеих сторон и отсутствии болевой реакции у гаранта».

Я невольно уставилась на Громова.

- Вы что, разбираетесь в договорах?

Он не посмотрел на меня.

- Три года в камере. Много свободного времени.

- Вы читали юридические документы?

- А ты думала, я грыз стены?

- Я старалась об этом не думать.

Он поставил подпись.

- Правильно. Стены невкусные.

Павел Игоревич сделал вид, что не услышал. Я, к сожалению, услышала и тут же представила, как этот огромный мужчина спокойно сидит в пустой камере и читает протоколы, пока где-то наверху люди решают его судьбу. Почему-то это оказалось неприятнее, чем образ зверя, бросающегося на решётку. Зверя проще бояться. Человека, который три года учился читать правила клетки, - сложнее.

После подписания акта мне выдали временный браслет гаранта. Тонкий чёрный обруч с серебристой вставкой, подозрительно похожий на браслет Громова, только легче и изящнее. Я посмотрела на него с таким выражением, с каким нормальные люди смотрят на змею в обуви.

- Нет, - сказала я.

- Это необходимо, - ответил Павел Игоревич.

- У меня сегодня слово «необходимо» уже вызывает нервный тик.

- Браслет будет отслеживать ваше состояние и дистанцию. Он не подавляет волю, не ограничивает магию, которой у вас нет, и не причиняет вреда.

- А если я его сниму?

- Он не снимется.
- То есть это украшение с элементами похищения.
- Это защитное устройство.
- Все ошейники так начинают.

Громов протянул руку через стол и показал свой браслет.

- Этот хуже.
- Спасибо, мне сразу легче.
- Твой хотя бы не жжёт серебром.

Я замолчала. Плохо. Не потому что он пожаловался. Он не жаловался. Сказал ровно, почти буднично. Именно поэтому и стало плохо. Я посмотрела на его запястье внимательнее и только теперь заметила под краем браслета тёмные следы на коже. Старые ожоги. Не кровавые, не свежие, но достаточно заметные, чтобы понять: три года - это не абстракция. Это каждый день. Каждая ночь. Каждый раз, когда металл напоминал ему, что он опасен, заперт и должен быть ниже закона, стены и чужого приказа.

Я резко отвела взгляд.

- Ладно, - сказала я. - Надевайте вашу защитную удавку.

Орлов подошёл и защёлкнул браслет на моём левом запястье. Он оказался тёплым. Слишком тёплым, будто уже был живым. На серебристой вставке мигнул маленький красный огонёк, потом стал ровно-белым. На планшете Павла Игоревича появилась строка: «Гарант стабилен. Дистанция до объекта: 2,8 м».

- Объекта, - повторила я. - А мне нельзя его так называть.
- Это системное поле, - сказал юрист.
- Система хамит, а я должна быть вежливой. Понятно.

Громов смотрел на мой браслет слишком внимательно.

- Что? - спросила я.
- Тебе не идёт.
- Простите, в следующий раз попрошу подобрать к сумке.
- Снимишь, когда всё закончится.
- Через семь дней?

Он не ответил сразу. И я пожалела, что спросила.

- Посмотрим, - сказал он.

Вот это «посмотрим» повисло над столом хуже любого проклятия. Потому что семь дней внезапно перестали выглядеть сроком. Они стали только первым пунктом в чём-то гораздо более длинном, тёмном и неприятно связанном с отцом, старым делом Громова и людьми, которые почему-то заранее знали, что моя кровь может пригодиться.

Инесса Марковна поднялась.

- Теперь режим перемещения. До решения комиссии Роман остаётся на территории изолятора, но вне камеры. Елизавета находится рядом. Мы предоставим временное помещение в административном блоке.

- Что значит «рядом»? - спросила я.
- В пределах допустимой дистанции.
- То есть я тоже остаюсь здесь?
- До вечера точно.
- У меня работа.

Виктор Сергеевич посмотрел на меня так, будто я сказала что-то трогательно детское.

- Светлова, ваша работа сейчас здесь.
- Нет, моя работа в третьем отделе, где у меня заявки, принтер и недопитый кофе.
- Ваш начальник будет уведомлён.
- Моему начальнику я сама хочу кое-что уведомить.

- Позже, - сказала Инесса Марковна. - Вам дадут служебный канал связи после первичного медицинского осмотра.

- Медицинского?

- Нужно проверить влияние контура.

- На что именно?

- Сердечный ритм, давление, нервную систему, реакцию на дистанцию, возможные признаки магической совместимости.

- Я всё ещё надеюсь, что совместимость можно вернуть по гарантии.

Громов встал. Охрана сразу напряглась. Он поднял руки чуть в стороны, показывая, что ничего не собирается делать, но вышло это настолько снисходительно, что я поняла: если бы он всё-таки собрался, у нас было бы мало шансов и много красивых формулировок в посмертных актах.

- Ей нужно позвонить, - сказал он.

Инесса Марковна посмотрела на него.

- После осмотра.

- Сейчас.

- Роман.

- У неё кот.

Я медленно повернула голову.

- Что?

Он посмотрел на меня.

- Ты сказала, дома кот. Если тебя оставят здесь до вечера, его надо кормить.

В комнате снова стало тихо. Как-то особенно. Даже Виктор Сергеевич не нашёлся сразу, что сказать. А я вдруг почувствовала себя совершенно идиотски. Потому что из всех людей в комнате именно огромный опасный альфа из клетки вспомнил про моего кота. Не начальство, не юрист, не я сама, хотя я действительно утром ушла, бросив Барсика с половиной миски корма и обещанием вернуться после работы.

- У него автокормушка, - сказала я зачем-то.

- Тогда хорошо.

- Вы запомнили про кота?

- У меня хорошая память.

- Из всех деталей сегодняшнего безумия вы решили запомнить кота?

- Коты важны.

Я уставилась на него. Он был абсолютно серьёзен. Никакой улыбки, никакой провокации. Просто констатация факта: коты важны. И, чёрт возьми, именно в этот момент злиться на него стало почти невозможно. Почти. Я быстро взяла себя в руки, потому что один разумный комментарий про животное не отменяет всего остального, включая «малышку».

- Барсик всё равно вас не одобрит, - сказала я.

- Переживу.

- Он дерётся.

- Я тоже.

- Он кастрирован, но не сломлен.

Орлов у стены не выдержал и тихо кашлянул, пряча улыбку. Павел Игоревич смотрел на нас с выражением человека, который начал подозревать, что в старых протоколах о парной совместимости не хватает отдельного раздела про домашних животных.

Инесса Марковна вздохнула.

- Дайте ей телефон на пять минут. Под наблюдением.

Виктор Сергеевич хотел возразить, но, кажется, понял, что спорить сейчас с ней - плохая идея. Через пару минут мне принесли мой телефон в прозрачном защитном пакете, разблоки-

ровали служебный режим и разрешили позвонить только по одному номеру. Я выбрала Дину. Маме я бы сейчас звонить не смогла. Не с новостью «привет, я случайно связалась с альфой, который знал папу, а ещё, возможно, меня подставили». Некоторые разговоры требуют предварительного алкоголя, завешания и психотерапевта.

Дина взяла трубку на первом гудке.

- Лиза?!

- Я жива.

- Что случилось? Почему твой телефон был недоступен? Почему в чате все пишут, что в «Северном» тревога? Почему Маргарита Павловна закрылась у себя и орёт на кого-то по защищённой линии? Ты где?

- В юридическом секторе.

- Почему?

Я посмотрела на Громова. Он стоял у окна между двумя охранниками и делал вид, что не слушает. Врал, конечно. С его слухом он, наверное, слышал даже как Дина моргает на другом конце линии.

- Потому что я немного задержусь.

- Лиза.

- Совсем немного. Возможно, до вечера. Возможно, на семь дней.

- Что?!

- Не кричи. Я сама уже кричала. Не помогло.

- Что значит на семь дней?

- Это сложно.

- Тебя задержали?

- Формально нет.

- Неформально?

- Неформально моя жизнь решила сменить жанр.

- Лиза!

Я закрыла глаза.

- Дин, покорми Барсика вечером, ладно? Ключ у тебя есть. И не давай ему много паштета, он потом делает вид, что умирает без добавки.

- Ты просишь меня покормить кота голосом человека, которого взяли в заложники.

- Меня не взяли в заложники.

Я посмотрела на браслет на руке.

- Кажется.

- Кто рядом с тобой?

- Все.

- Что значит все?

- Юристы, охрана, женщина, которая умеет разочаровываться сильнее Маргариты Павловны, и...

Я замолчала.

- И? - спросила Дина.

Громов повернул голову к мне. Очень медленно. И я поняла, что не хочу произносить его имя в трубку. Не потому, что боюсь. А потому что, если скажу, всё станет ещё реальнее.

- И причина задержки, - закончила я.

Дина молчала секунду.

- Это Громов?

Я не ответила.

- Лиза, только не говори мне, что ты контактировала с Громовым.

- Хорошо, не говорю.

- Ты контактировала с Громовым?!

- Дина, мне правда нельзя сейчас объяснять. Покорми кота. И если Семёнов попросит мой степлер, скажи, что я восстала из мёртвых и запрещаю.

- Я приеду.

- Нет.

- Лиза...

- Нет. Здесь тебе делать нечего. Я сама разберусь.

Громов чуть заметно поднял бровь. Я отвернулась.

- Слышишь? Сама. Разберусь.

- Ты всегда так говоришь перед тем, как всё идёт не так.

- Я знаю. Но иногда традиции надо уважать.

Мне пришлось отключиться, пока Дина не начала задавать вопросы, на которые я всё равно не могла ответить. Телефон забрали. Вместе с ним будто забрали последний кусок нормального мира: отдел, кофейный автомат, Дину, Барсика, мою квартиру с кривой полкой на кухне и жизнь, в которой главной проблемой были дедлайны, а не древняя кровь.

- Барсик, - сказал Громов негромко.

Я медленно повернулась.

- Что Барсик?

- Имя кота.

- И?

- Серьёзный зверь.

- Не смейте смеяться над моим котом.

- Я не смеюсь.

- Опять внутренне?

- Нет. Барсик - хорошее имя.

- Вы сейчас пытаетесь быть приятным?

- Нет.

- Получается странно.

- Учту.

- Не надо ничего учитывать. Вообще ничего обо мне не учитывайте.

- Поздно.

Это слово он сегодня говорил уже второй раз, и оба раза мне хотелось немедленно подать жалобу на судьбу.

Медицинский осмотр проходил в соседнем блоке. Меня усадили в кресло, подключили датчики к запястьям, вискам и груди, измерили давление, просветили браслет, заставили несколько раз встать, сесть, отойти от Громова на пять метров, потом на десять. На десяти в груди снова натянулась та самая струна, и монитор тревожно пикнул. Громов, которого держали у стены, напрягся так, что один охранник тут же поднял оружие.

- Всё нормально, - сказала я сквозь зубы.

- Нет, - сказал врач, маленькая сухая женщина с холодными руками. - Не нормально. Порог реакции ниже ожидаемого.

- А можно ожидать от меня что-нибудь поприятнее? Например, что я сейчас проснусь?

Она проигнорировала.

- Двенадцать метров пока максимум. Дальше начинается болевая реакция у гаранта и мышечное напряжение у объекта.

- У объекта мышечное напряжение, потому что он объект или потому что он смотрит так, будто сейчас кого-то убьёт?

Врач посмотрела на Громова поверх очков.

- Роман Владимирович, расслабьтесь.

- Не могу.

- Почему?

Он смотрел на меня. Не на врача.

- Ей больно.

Я резко отвернулась к монитору.

- Мне не больно. Мне неприятно.

- Уровень реакции говорит о боли, - сказала врач.

- Уровень реакции не знает, какая у меня богатая внутренняя жизнь.

- Ближе, - распорядилась она.

Громов сделал шаг. Потом ещё. На восьми метрах боль ослабла. На шести исчезла. Я ненавидела своё тело за предательство. Бюрократическую печать - за инициативность. Громова - за то, что он молчал и всё понимал. Врача - за то, что она записывала мои показатели с выражением человека, наблюдающего редкий лабораторный феномен. Себя - за то, что где-то в самой глубине, под страхом, злостью и абсурдом, мне становилось спокойнее, когда он подходил ближе.

Это было самое неприятное.

Не химия. Не «ах, какой мужчина». Не дурацкая дрожь от его взгляда, хотя она тоже была, и я честно планировала отрицать её до последнего вздоха. Неприятным было именно спокойствие. Будто рядом с этим опасным, огромным, невозможным человеком мир почему-то переставал рассыпаться. Как будто сама связь, будь она проклята, не только тянула и жгла, но и шептала телу: вот здесь безопасно.

Разум, разумеется, был против. Разум стоял на столе, махал красным флагом и кричал: «Лиза, это альфа-рецидивист, бывший глава стаи, человек, который сломал кому-то три ребра в суде, и вообще ты его знаешь меньше часа!» Тело отвечало: «Зато рядом не болит». Тело сегодня было идиотом.

После осмотра врач выдала заключение: физически я стабильна, магических признаков нет, связь активная, дистанция до дальнейшей адаптации - не более двенадцати метров, резкий разрыв запрещён, ночное наблюдение желательно. Ночное. Наблюдение. Я зацепилась именно за это слово.

- Простите, какое наблюдение?

- Если вас оставят в административном блоке, датчики будут отслеживать состояние дистанционно.

- А если меня не оставят?

Врач посмотрела на Инессу Марковну. Та, в свою очередь, посмотрела на Виктора Сергеевича. Виктор Сергеевич посмотрел куда-то в сторону, будто там внезапно появилась прекрасная возможность умереть и не участвовать в разговоре.

- Этот вопрос решит комиссия, - сказала Инесса Марковна.

- А комиссия когда?

- Через час.

- А до этого?

- До этого вы будете находиться в комнате ожидания под наблюдением.

- С ним?

- Да.

- Почему не в разных комнатах через стенку?

- Двенадцать метров, - напомнила врач.

- Отлично. Посадите его в соседний кабинет.

Громов, стоявший у двери, сказал:

- Боишься остаться со мной в одной комнате?

- Да.

Он замолчал. Не ожидал. И я сама не ожидала, что отвечу честно. Слова вышли раньше, чем включилась защитная насмешка. В комнате снова стало тихо, но теперь иначе. Без комизма. Без перепалки. Громов смотрел на меня, и в его лице впервые не было ни тени улыбки.

- Правильно, - сказал он.

Вот это было совсем не то, что я ожидала.

- Что?

- Правильно, что боишься.

- Вы сейчас зачем это сказали?

- Чтобы ты не решила, что я безопасный, потому что не тронул тебя при охране.

- Я и не решила.

- Хорошо.

- Вы специально пытаетесь сделать всё хуже?

- Нет. Лучше.

- Каким образом?

- Честностью.

Я медленно выдохнула.

- Честность у вас какая-то с зубами.

- Другой нет.

И вот опять. Опять этот короткий ответ, после которого невозможно было просто отшутиться. Потому что за ним чувствовалась не поза, а жизнь, в которой действительно не осталось другой честности, кроме зубастой. Я не хотела понимать его. Не сейчас. Не в первый день. Не после печати, браслета, отца и семидневного приговора. Понимание - опасная вещь. Сначала ты просто замечаешь, что человек не только чудовище, потом начинаешь видеть причины, потом оправдания, потом уже сидишь ночью на кухне и думаешь, что у него, возможно, тоже болит. Нет уж. Спасибо. У меня и своих проблем достаточно.

Комната ожидания в административном блоке оказалась почти уютной, если забыть, что снаружи стояла охрана, а внутри со мной находился мужчина, которого нельзя было выпускать из поля зрения контура. Диван, стол, два кресла, чайник, шкаф с одноразовыми стаканчиками, окно с решёткой и вид на внутренний двор изолятора. Во дворе серые бетонные дорожки пересекали мокрую траву, вдоль забора стояли прожекторы, а за забором темнела полоска леса. Странно было видеть лес рядом с этим местом. Лес всегда казался мне чем-то свободным, живым, не поддающимся учёту. Здесь же он выглядел как декорация за пределами клетки.

Громов вошёл первым, остановился у окна и сразу занял пространство так, будто комната была не комнатой, а очередной камерой, размер которой он мысленно измерил, оценил и признал временно приемлемой. Я села в кресло подальше от него. Браслет мигнул жёлтым. Я подвинулась на полметра ближе. Браслет стал белым. Я показала ему неприличный жест. Браслет, к счастью, не отреагировал. Громов видел. Конечно, видел.

- Вежливая, - сказал он.

- Стараюсь соответствовать обстоятельствам.

- Получается.

Он остался у окна, не приближаясь. И это было правильно. Даже почти деликатно. Что раздражало, потому что я не хотела замечать его деликатность. Мне нужна была простая картина: опасный альфа, хам, проблема, держаться подальше, дожидаться снятия связи, забыть. Но он то вспоминал про кота, то поправлял юридическую формулировку в мою пользу, то не подходил, пока я сама не разрешала, то честно говорил, что бояться его правильно. Для чудовища он слишком мешал с ненавистью.

Я налила себе воды из графина. Руки уже почти не дрожали.

- Вы правда знали моего отца? - спросила я.

Громов не повернулся.

- Да.

- Каким он был?

Вопрос вылетел неожиданно. Я не планировала спрашивать именно это. Хотела начать с фактов: когда, где, какие документы, почему встреча, кто ещё знал. Но вместо этого спросила как девочка, которой когда-то не хватило взрослых ответов и которая вдруг увидела человека, помнящего того, кого у неё забрали.

Громов молчал долго. За окном ветер шевелил мокрые ветки. Где-то в коридоре переговаривались охранники.

- Упрямый, - сказал он наконец.

Я невольно усмехнулась.

- Это семейное.

- Видно.

- Ещё?

- Не боялся смотреть туда, куда остальные не хотели.

- Звучит красиво, но непонятно.

- Он копал дело глубже, чем ему разрешали.

- Из-за вас?

- Не только.

- Из-за чего ещё?

Громов повернулся от окна. Красного света здесь не было, и в обычном холодном освещении он выглядел не менее опасным, но более настоящим. Не демоном из камеры. Уставшим человеком, которому очень долго не давали быть человеком.

- Из-за ложных связей, - сказал он.

Я нахмурилась.

- Парных?

- В том числе.

- То есть то, что произошло со мной...

- Может быть связано.

- Вы знали?

Он резко посмотрел на меня.

- Нет.

- Точно?

- Если бы знал, не подпустил бы тебя к печати.

- Почему я должна вам верить?

- Не должна.

Ответ снова был слишком ровным. Он не просил доверия. Не убеждал. Не играл в благородного обиженного. Просто поставил факт на стол, как оружие: не должна. И именно поэтому почему-то стало чуть легче верить. Манипуляторы обычно обижаются, когда им не верят. Громов, похоже, считал недоверие нормой. Почти уважал его.

- Но хотите, чтобы поверила?

- Хочу, чтобы ты выжила.

- Звучит драматично.

- Так и есть.

- Вы всегда так разговариваете? Короткими фразами, будто каждую выдаёте под расписку?

- Три года в одиночке не развивают любовь к длинным беседам.

Я прикусила губу. Опять он это сделал. Одной фразой обрубил шутку и оставил после неё пустоту. Я уставилась в стакан.

- Простите, - сказала я тихо.
- За что?
- За... не знаю. За глупую реплику.
- Она не глупая. Просто ты ничего не знаешь.
- Это вы сейчас меня утешили или оскорбили?
- Да.

Я подняла глаза. Он всё-таки улыбался. Едва заметно. Совсем немного. И, к сожалению, это ему шло. Чтоб ему пусто было.

- Невыносимый, - сказала я.
- Шумная.
- Опять?
- Это тоже не оскорбление.
- А что?

Он посмотрел на меня внимательнее.

- Признак жизни.

Я замолчала. На этот раз надолго. Потому что в его голосе не было ни флирта, ни насмешки. И мне вдруг стало очень неудобно от мысли, что для человека, который три года провёл среди бетона, рун и тишины, моя нервная болтовня может действительно звучать как что-то живое.

Спас меня стук в дверь. Не то чтобы я мечтала о новых бюрократических ужасах, но сейчас была готова обнять любого, кто прервёт этот странный разговор. В комнату вошёл Орлов с подносом: два стакана чая, пачка печенья, какие-то сэндвичи в пластиковой упаковке.

- Перекус, - сказал он. - Комиссия задерживается.
- Конечно задерживается, - сказала я. - Комиссии вообще питаются ожиданием простых людей.

Он поставил поднос на стол и посмотрел на Громова.

- Для вас тоже.

Громов кивнул.

- Спасибо.

Орлов явно не ожидал благодарности. Я тоже, если честно. Он чуть замялся, потом вышел, оставив нас с чаем, печеньем и той неловкостью, которая возникает, когда похитители нормальной жизни вдруг приносят тебе сэндвич с курицей.

Я взяла стакан. Чай был слишком сладкий. Печенье - дешёвое. Сэндвич - холодный. Всё это показалось лучшей едой на свете, потому что я вспомнила, что с утра кроме фальшивого кофе ничего не ела. Громов сел не на диван, а в кресло напротив, но наискосок, соблюдая дистанцию так старательно, что я снова разозлилась на себя за то, что заметила. Он взял сэндвич, но не стал есть сразу.

- Что? - спросила я с набитым ртом. - Боишься, что отравили?
- Нет.
- Тогда почему смотрите?
- Давно не ел нормальную еду.
- Я медленно перестала жевать.
- Это нормальная?

Он посмотрел на пластиковый треугольник в руке.

- После изоляторной - да.
- А чем там кормят?
- Не спрашивай.
- Теперь точно хочу спросить.
- Зря.

- Настолько плохо?

- Достаточно, чтобы сэндвич из автомата казался праздником.

Я посмотрела на свой сэндвич. Потом на него. Потом отломила половину печенья и подвинула пачку ближе к нему.

- Берите. Праздник так праздник.

Он посмотрел на печенье. Потом на меня.

- Делишься едой с опасным оборотнем?

- Не обольщайтесь. Я просто не люблю это печенье. Оно как прессованная тоска.

- Всё равно спасибо.

- Не привыкайте к моей доброте. Она сегодня уже чуть не убила меня.

Он взял печенье. И это тоже было странно. Огромная рука, дешёвая пачка, тёмный браслет, старые ожоги. В этой картинке было что-то неправильное, почти болезненное. Как будто кто-то взял обложку с альфой, клеткой и красным светом, а потом внезапно вставил туда человеческую бытовую деталь, от которой вся поза начинала трескаться.

- Почему вас называют Громом? - спросила я, чтобы не молчать.

- Кто называет?

- В деле было прозвище. Гром. Или это журналисты придумали?

- Стая.

- Почему?

- Фамилия.

- Серьёзно? Я думала, там будет какая-то страшная история. Мол, в юности вы одним рыком остановили бурю, разорвали врагов и станцевали на развалинах.

- Разочарована?

- Немного.

- Я подрался в тринадцать с четырьмя старшими. После этого кто-то сказал, что я не рычу, а гремлю. Прилипло.

- Победили?

- Нет.

- О.

- Но они тоже не победили.

- Это как?

- Все лежали.

Я почему-то рассмеялась. Нормально, не истерично. Громов смотрел на меня, и в его глазах мелькнуло что-то почти тёплое, но тут же исчезло.

- А вас в детстве как называли? - спросил он.

- Меня? Лисой.

- Из-за имени?

- Из-за фамилии. Светлова, Лиза, Лиса. Дети не очень изобретательны, но жестоки последовательно.

- Подходит.

- Что именно? Лиса?

- Да.

- Потому что хитрая?

- Потому что маленькая, шумная и кусаешься, когда страшно.

Я подавилась чаем.

- Я не маленькая.

- Для меня - да.

- Это не аргумент, это ваша личная проблема роста.

- Я заметил.

- И я не кусаюсь.

Он посмотрел на меня так, что я сразу вспомнила свой палец, поднятый в его сторону, перепалки в секторе и желание писать жалобу на всё живое.

- Ладно, - сказала я. - Иногда кусаюсь. Но заслуженно.

- Удобная система.

- Не смейте цитировать меня против меня.

Он улыбнулся чуть шире. И вот тут связь предательски дрогнула. Нет, не болью. Чем-то другим. Словно невидимая нитка между нами натянулась не от расстояния, а от внимания. Я почувствовала жар под браслетом и резко отодвинула стакан.

- Что? - спросил Громов.

- Ничего.

- Лиза.

- Елизавета Андреевна.

- У тебя пульс поднялся.

- А вы теперь ещё и мой пульс чувствуете?

- Немного.

- Прекрасно. Может, вам ещё список моих мыслей выдать? Там много интересного про то, куда вам стоит отправиться.

- Мысли не чувствую.

- Слава богу.

- Но запах меняется.

Я замерла.

- Не надо.

- Что?

- Не надо говорить про запах. Вообще. Никогда. Это ужасно неловко.

- Для оборотней нормально.

- Для людей нет. У людей есть личные границы. Стены. Двери. Дезодорант. Социальные нормы.

- У оборотней тоже есть нормы.

- Например, говорить женщине, что она пахнет домом?

Он отвёл взгляд.

Попала.

Я поняла это сразу. Наконец-то не он меня сбил, а я его. Маленькая победа, но в условиях оккупации личной жизни любая победа важна.

- Вы ведь сами не поняли, почему сказали, - произнесла я тише.

- Понял.

- И?

- Не скажу.

- Почему?

- Потому что ты испугаешься сильнее.

- Поздно.

- Нет.

В его голосе было что-то такое, от чего я перестала улыбаться.

- Что это значит?

Он положил недоеденное печенье на стол.

- Когда оборотень говорит, что кто-то пахнет домом, это не романтика. Не красивая фраза. Это глубже. Опаснее. Дом - это место, куда зверь возвращается. То, что он защищает. То, что может сделать его слабым.

Я медленно вдохнула.

- И вы решили, что я должна это знать?

- Ты спросила.

- Я много чего спрашиваю. Это не значит, что мне надо отвечать так, будто вы вручаете мне гранату без инструкции.

- Инструкции нет.

- Конечно нет.

Я встала и отошла к окну. Браслет мигнул жёлтым. Я остановилась. Двенадцать метров, будь они прокляты. За окном серый двор, мокрая трава, забор, лес. В стекле отражался Громов. Он не повернулся, но я видела, что он смотрит на меня через отражение.

- Я не хочу быть вашим домом, - сказала я.

- Я не просил.

- Но сказали.

- Да.

- И что мне теперь с этим делать?

- Ничего.

- Ничего?

- Семь дней. Проверка. Снятие связи. Ты вернёшься к коту и принтеру.

Я повернулась.

- А вы?

Он пожал плечом.

- А я посмотрю, кто решил использовать твою кровь.

- Вы так спокойно говорите «использовать твою кровь», будто речь о скидочной карте.

- Не спокойно.

- А как?

Он поднял глаза. И вот там, в глубине серого, на мгновение стало темно.

- Я очень не спокойно говорю.

Комната опять будто сжалась. Я поняла, что он злится. Не шумно, не вспыхливо. Глубоко. Тихо. Так злится не человек, который собирается хлопнуть дверь. Так злится тот, кто умеет ждать, искать и ломать уже потом, когда точно поймёт, кому ломать. И самое неприятное - эта злость была не против меня.

Снова стук в дверь. На этот раз вошла Инесса Марковна. Лицо у неё было таким, что я сразу поняла: комиссия прошла плохо. Не «мы всё решили и вы сейчас поедете домой». Скорее «мы нашли новый способ сделать вашу жизнь ещё более юридически захватывающей».

- Решение принято, - сказала она.

Я села обратно, хотя ноги стали ватными.

- И?

Инесса Марковна посмотрела сначала на меня, потом на Громова.

- Роман Громов переводится из режима внутреннего содержания в режим внешнего временного надзора. На семь дней. Гарант - Светлова Елизавета Андреевна. Место пребывания - квартира гаранта, если она соответствует минимальным требованиям безопасности. До выезда группа проверит адрес. В случае несоответствия будет предоставлена служебная квартира.

Я слушала и чувствовала, как реальность медленно, с хрустом, складывается в очень некрасивую фигуру.

- Подождите, - сказала я. - Моя квартира?

- Да.

- Моя личная квартира?

- Да.

- Где мой кот, мои вещи, мой чайник и соседка Валентина Степановна, которая вызывает полицию, если кто-то громко чихает после десяти?

- Если адрес будет признан пригодным, да.

Громов молчал. И это молчание вдруг стало особенно подозрительным.

- А вы что молчите? - спросила я. - Вас всё устраивает?

- Нет.

- Правда?

- Правда.

- Тогда скажите им.

Он посмотрел на Инессу Марковну.

- Это плохое решение.

- Это единственное решение, которое не нарушает условия контура и не оставляет тебя в изоляторе, где каждая стена будет конфликтовать с кровью гаранта, - ответила она. - Служебная квартира сейчас хуже: её адрес знают слишком многие. Квартира Светловой не фигурировала в материалах дела до сегодняшнего дня.

- Уже фигурирует, - сказал Громов.

- Поэтому проверка будет немедленной. Охрана - скрытая. Браслеты - активны. Нарушение дистанции - фиксируется. Любая попытка покинуть адрес без согласования - возврат в изолятор для тебя и медицинский блок для неё.

- Для меня? - переспросила я.

- При резком разрыве связи возможны последствия.

- Вы так говорите, будто я зарядное устройство.

- Скорее предохранитель, - сказал Павел Игоревич, появляясь за её спиной с планшетом. Я медленно повернула к нему голову.

- Павел Игоревич.

- Да?

- Исчезните.

- Понял.

Он сделал шаг назад.

Громов встал.

- Я не поеду к ней.

В комнате снова стало тихо. Я посмотрела на него с удивлением, которое почему-то оказалось не таким радостным, как должно было быть.

- Что значит не поедете?

- То и значит.

- А боль? Контур? Семь дней?

- Решим иначе.

- Как?

Он не ответил. Инесса Марковна ответила вместо него:

- Никак. Он не хочет вести опасность в ваш дом.

Вот оно. Просто. Без романтической упаковки. Без «малышки». Без игры. Не хочет вести опасность в мой дом. И я вдруг увидела всю картину с другой стороны. Не я одна была втянута в его дело. Его тоже привязали к незнакомой женщине, к её квартире, к её коту, к её нормальной жизни, которую теперь могут заметить те, кто три года назад, возможно, убрал моего отца и посадил его в клетку. Для меня он был угрозой. Но для него угрозой было всё, что идёт за ним следом.

И, конечно, именно в этот момент мне надо было разозлиться. Потому что сострадание - роскошь, которую нельзя позволять себе рядом с альфой из клетки.

- Послушайте, Роман Владимирович, - сказала я, вставая. - Вы, конечно, можете изображать благородное чудовище, которое не хочет портить мне коврик у двери своим опасным прошлым, но давайте уточним. Вы уже испортили мне день, неделю, рабочие отношения и,

возможно, семейную историю. Не надо теперь делать вид, что именно вы будете решать, что для меня опасно, а что нет.

Он повернулся ко мне. Медленно.

- Я знаю, что опасно.

- За меня не знаете.

- Знаю достаточно.

- Нет. Вы знаете камеры, стаи, старые дела и как звучат стены, когда человек три года сидит один. А я знаю свою квартиру, свою соседку, своего кота и свою способность не умирать там, где все уже заранее за меня решили, что я жертва.

Его взгляд потемнел.

- Ты не понимаешь, во что попала.

- Так объясните.

- Не здесь.

- Все сегодня только это и говорят.

- Потому что здесь стены слушают.

Я замолчала. Внутри стало холодно. Не метафорически. По-настоящему.

Инесса Марковна не стала возражать.

Виктор Сергеевич, стоявший у двери, слишком быстро отвёл взгляд.

Ох.

Вот так, значит.

- Стены слушают, - повторила я. - В специзляторе?

- Особенно в специзляторе, - сказал Громов.

Я посмотрела на Инессу Марковну. Она выдержала мой взгляд, но ничего не сказала. А молчание умных взрослых людей, как я уже сегодня усвоила, обычно хуже сирены.

- Отлично, - сказала я. - Тогда тем более поедem ко мне. У меня стены слушают только Валентину Степановну, и та слышит плохо, когда сериал начинается.

Громов смотрел на меня долго. Потом сказал:

- Ты упрямая.

- Семейное. Вы сами сказали.

- Это плохо кончается.

- У меня сегодня всё плохо началось. Пусть хотя бы кончается интересно.

Инесса Марковна резко хлопнула ладонью по папке.

- Решено. Группа выезжает на проверку адреса. Светлова, вы составляете список необходимых вещей. Громов, тебе выдадут гражданскую одежду, временные документы и внешний браслет. Орлов пойдёт с вами до передачи на адресе.

- Я? - спросил Орлов.

- Ты.

- Понял.

По его лицу было видно, что он надеялся на другое развитие карьеры. Например, спокойную смерть от старости.

Следующие полчаса прошли в странной суете. Меня снова заставили подписать документы. Потом ещё. Потом ещё один, где я подтверждала, что понимаю правила дистанции. Потом бумагу о неразглашении. Потом уведомление о рисках. Потом приложение к уведомлению о рисках. В какой-то момент я перестала читать и начала просто искать слово «смерть». Оно встречалось подозрительно часто. Павел Игоревич уверял, что это стандартная формулировка. Я сказала, что если у них слово «смерть» стандартное, им нужен не юрист, а экзорцист.

Громова увели переодеваться. И вот когда он вышел, стало хуже. Потому что тюремная форма хотя бы выполняла полезную функцию: напоминала, кто он и откуда. В гражданской одежде он выглядел не менее опасно, но опасно иначе. Тёмные джинсы, чёрная футболка, тяжё-

лая куртка, ботинки. Всё простое, без лишних деталей. Но на нём это смотрелось так, будто одежда не скрывает зверя, а просто временно договаривается с ним о приличиях. Браслет на руке заменили на другой - тоньше, но, судя по лицам охраны, не менее серьёзный. Борода, серые глаза, широкие плечи, шрамы на руках. Да уж. Если я приведу это домой, Валентина Степановна не полицию вызовет. Она сначала перекрестится, потом позовёт подруг смотреть в глазок.

Громов заметил мой взгляд.

- Что?

- Ничего.

- Опять врёшь плохо.

- Просто думаю, что вас невозможно незаметно провести в подъезд.

- Я умею быть незаметным.

Я медленно оглядела его с головы до ног.

- Вы? Незаметным?

- Да.

- В каком смысле? Если все свидетели уже мертвы?

Орлов подавился воздухом. Громов улыбнулся. Совсем немного.

- Почти.

- Не шутите так.

- Ты первая начала.

- Мне можно. Я нервная.

- А я нестабильный зверь. Мне тоже можно.

Я открыла рот, чтобы ответить, но в этот момент браслет на моей руке мигнул. Не жёлтым, не белым, а красным. Одновременно я почувствовала резкий укол в груди. Громов шагнул ко мне почти мгновенно.

- Что? - спросил он.

- Не знаю.

Браслет пискнул. На планшете Павла Игоревича что-то вспыхнуло. Юрист побледнел.

- Дистанция нормальная, - сказал он. - Реакция не от дистанции.

Инесса Марковна выхватила планшет.

- Внешний импульс?

- Похоже.

- Откуда?

Павел Игоревич быстро провёл пальцами по экрану.

- Сторонний запрос к контуру. Кто-то пытается считать статус гаранта.

Громов изменился.

Вот просто взял и изменился. Только что передо мной стоял мрачный, язвительный мужчина в чёрной куртке. Через секунду - хищник, который слышал шаги за дверью. Лицо стало жёстким, глаза холодными, тело неподвижным. Даже воздух рядом с ним будто стал тяжелее.

- Кто? - спросил он.

Павел Игоревич сглотнул.

- Запрос идёт через старый внешний ключ. Не из изолятора.

- Из Бюро? - спросила я.

Он молчал слишком долго.

- Возможно.

В комнате все посмотрели друг на друга. И я вдруг поняла: это уже не бюрократическая ошибка. Не странность древней печати. Не случайный сбой. Кто-то где-то узнал, что контур активирован. И этот кто-то уже пытается посмотреть на меня через связь, как на новую запись в чужом реестре.

Браслет снова мигнул красным. В груди кольнуло сильнее. Я невольно схватилась за стол. Громов оказался рядом, но не коснулся. Просто встал так близко, что тепло от него перекрыло холод.

- Закройте контур, - сказал он.
- Пытаемся, - ответила Инесса Марковна.
- Быстрее.
- Не командуй мне в моём секторе.
- Тогда не заставляй меня делать это самому.

Виктор Сергеевич резко сказал:

- Громов, шаг назад.

Громов даже не повернулся.

- Кто-то тянется к ней через мой родовой контур. Если ты сейчас скажешь ещё одно слово не по делу, я забуду, что на мне браслет.

Виктор Сергеевич побледнел от злости или страха. Может, и того и другого.

Инесса Марковна работала с планшетом быстро, без лишних движений. Павел Игоревич что-то подключал к моему браслету. Орлов закрыл дверь и встал у неё с оружием. Я сидела за столом и старалась не паниковать. Получалось примерно как всё сегодня: формально старалась, практически нет.

- Что значит «тянется ко мне»? - спросила я.

Громов посмотрел вниз, на меня.

- Тебя ищут.

- Кто?

- Тот, кто ждал активации.

- То есть это правда не случайность?

Он молчал. Снова это проклятое молчание.

- Роман.

Он впервые не поправил обращение. Не улыбнулся. Не съязвил.

- Да, - сказал он. - Похоже, не случайность.

И вот тогда страх стал другим. До этого я боялась камеры, печати, близости, странной связи, его самого. Всё это было рядом, видимо, ощутимо. А теперь появился кто-то невидимый. Кто-то за стенами. За документами. За Бюро. Кто-то, кто мог знать моего отца, дело Громова, мою кровь и сегодняшний маршрут раньше меня самой.

Браслет погас. Боль исчезла. Инесса Марковна выдохнула.

- Закрыла. Но ключ был настоящий.

- Чей? - спросил Громов.

Она посмотрела на экран. Лицо её стало каменным.

- Ключ Андрея Светлова.

Я перестала дышать.

Наверное, всего на секунду. Может, на две. Но мир успел сузиться до этой фразы.

Ключ Андрея Светлова.

Моего отца.

Человека, который, как мне говорили, давно ушёл из Бюро. Человека, который, по словам Громова, не исчез добровольно. Человека, чей старый ключ только что пытался считать мой статус через родовой контур опасного альфы.

- Это невозможно, - сказала я.

Громов посмотрел на Инессу Марковну.

- Запрос свежий?

Она медленно кивнула.

- Только что.

Я рассмеялась. Тихо, коротко, совсем без веселья.

- Ну конечно. Потому что сегодня день, когда всё невозможное происходит по расписанию.

Громов наклонился ко мне ближе. На этот раз я не отстранилась.

- Лиза.

- Елизавета Андреевна, - сказала я автоматически, но голос прозвучал слабо.

- Слушай меня. Теперь ты точно не остаёшься одна.

- Да я уже поняла, что романтический побег от вас отменяется.

- Это не шутка.

- А я не умею иначе.

Он посмотрел на меня так, будто хотел сказать что-то резкое, но передумал. Вместо этого протянул руку. Не касаясь. Просто рядом. Как тогда, в секторе. Выбор, будь он проклят.

- Пойдём.

Я посмотрела на его руку. Потом на браслет. Потом на Инессу Марковну, которая уже кому-то звонила. На Орлова у двери. На Павла Игоревича, который смотрел в планшет так, будто там открылся вход в ад. На Виктора Сергеевича, слишком напряжённого для человека, который ни при чём.

А потом снова на Громова.

- Куда?

- К тебе домой.

- После того, что только что произошло?

- Именно после того, что произошло.

- Почему?

Его лицо стало совсем жёстким.

- Потому что если здесь кто-то использует ключ твоего отца, то в этом здании ты не в безопасности.

Я медленно вложила свою руку в его. Не потому, что доверяла. Не потому, что хотела. Не потому, что связь тянула. А потому что пол под ногами снова начал превращаться в зыбкую поверхность, и рядом с ним, как бы я ни злилась, было устойчивее.

Его пальцы сомкнулись вокруг моей ладони осторожно, почти бережно. Боль не пришла. Только тепло.

- Предупреждаю сразу, - сказала я, поднимаясь. - Барсик вас возненавидит.

Громов посмотрел на дверь.

- Пусть встаёт в очередь.

И с этой фразой мы вышли из комнаты ожидания. Я - младший специалист регистрационного отдела, которая утром хотела всего лишь пережить рабочий день. Он - альфа, которого три года держали в клетке и которого теперь выпускали под мою личную ответственность. А где-то между нами, под кожей, под браслетами, под всеми этими актами, протоколами и страхами, тянулась живая, горячая нить, которую уже пытались дёрнуть чужими руками.

И впервые за весь день я поняла: клетка открылась не только для него. Она открылась и для меня тоже.

Глава 3. Ошибка в протоколе

До сегодняшнего дня я думала, что выражение «жизнь несётся под откос» - это метафора. Красивая, драматичная, подходящая для людей, которые любят преувеличивать свои проблемы и выкладывать в соцсети чёрно-белые фотографии кружки с кофе под подписью «я устала». Теперь же я шла по коридору специзолятора «Северный контур» рядом с бывшим заключённым альфой, которого три года держали в камере особого режима, и понимала: нет, это не метафора. Это техническое описание процесса. Просто вместо поезда у тебя служебный пропуск МН-3, вместо рельсов - древний родовой контур, вместо машиниста - непонятно кто с ключом твоего исчезнувшего отца, а вместо возможности нажать на тормоз - браслет на запястье, который весело напоминает, что дальше двенадцати метров от бородатого оборотня тебе теперь лучше не отходить. Очень удобно. Почти как корпоративный транспорт, только с угрозой смерти и романтическим подтекстом, которого я не заказывала.

Мы шли быстро, но не настолько быстро, чтобы браслет начал пищать. Это стало новым унижительным навыком, которым я овладела за последний час: двигаться в темпе чужого мужчины, сверяясь не с собственными ногами, а с магическим устройством на запястье. Рядом с нами шёл Орлов, позади - двое охранников, впереди - Инесса Марковна, разговаривающая по защищённой связи. Громов держался на полшага сбоку и чуть позади, будто специально не хотел нависать надо мной, хотя у него всё равно получалось. Он вообще был из тех людей, которые могут стоять в соседней комнате и всё равно занимать половину твоей нервной системы. После того как в юридическом секторе кто-то попытался считать мой статус через старый ключ Андрея Светлова, в здании снова поднялась тревога, но уже другого рода: без сирены, без красных вспышек, без красивой катастрофы, зато с быстрыми взглядами, зашифрованными фразами и людьми, которые внезапно начинают закрывать двери чуть быстрее, чем положено. Мне, как человеку с богатым опытом офисного выживания, такой тип паники был знаком. Когда начальство не кричит, а говорит тихо - вот тогда всё действительно плохо.

- Вы правда думаете, что здесь опасно? - спросила я негромко, не глядя на Громова.
- Думаю, что здесь кто-то знал, когда контур активируется, - ответил он.
- А это не одно и то же?
- Нет. Опасность бывает случайной. Это не случайность.

Я посмотрела на его профиль. Жёсткая линия челюсти, тёмная борода, взгляд вперёд. Он двигался спокойно, но я уже начинала понимать, что его спокойствие не означает расслабленность. Скорее наоборот. Это было спокойствие зверя, который не тратит силы на лишние движения, потому что внутри уже всё готово к прыжку.

- Мне всё ещё нравится версия, где я просто неудачно порезала палец, - сказала я.
- Она удобнее.
- Вот именно. Я люблю удобные версии. Удобная версия - это почти как удобная обувь.

Можно далеко уйти от правды.

- Далеко не уйдёшь.
 - Благодаря вам особенно.
- Он мельком посмотрел на мой браслет.
- Благодаря связи.
 - Не поправляйте. Мне приятнее обвинять вас.
 - Заметил.
 - И вообще, если кто-то использовал ключ моего отца, это ещё не значит, что он жив.

Ключ мог остаться в системе. Его могли украсть. Его могли скопировать. Его мог найти какой-нибудь мерзкий архивный призрак с административными правами. В Бюро всё возможно. У

нас однажды заявка на замену лампочки сама себя согласовала через покойного замначальника.

- Ты сейчас себя успокаиваешь?
- Нет. Я строю версии.
- У тебя голос стал выше.
- А у вас лицо стало ещё мрачнее. Я же молчу.
- У меня всегда такое лицо.
- Сочувствую.

Он на секунду задержал на мне взгляд. И вот опять - вместо того чтобы разозлиться или хотя бы поставить меня на место, он будто почти улыбнулся. Почти. На уровне микроскопической человеческой трещины в каменной морде. Мне надо было радоваться, что огромный альфа не реагирует на мои колкости агрессией. Вместо этого я злилась, что он реагирует на них как на что-то живое и, кажется, даже нужное. С ним невозможно было держать простую оборону. Любая моя реплика, предназначенная быть стеной, превращалась у него в дверь, и он не то чтобы входил - просто смотрел в проём так, будто уже знает, что за ним.

У служебного лифта нас остановили. Виктор Сергеевич, который всё это время шёл чуть позади, вдруг вышел вперёд и встал перед Инессой Марковной. Лицо у него было жёсткое, губы сжаты, в руке планшет. Он явно принадлежал к тем людям, которые считают, что если достаточно сильно сжать планшет, реальность начнёт подчиняться регламенту.

- Выезд сейчас невозможен, - сказал он.

Инесса Марковна даже не подняла голос.

- На каком основании?

- После стороннего запроса объект должен быть возвращён во внутренний сектор до выяснения источника вмешательства.

Громов медленно остановился. Из-за этого остановилась и я, потому что браслет тут же мигнул жёлтым, будто напоминая: «не забывай, дорогая, ты теперь привязана к чужой драме». Орлов тоже напрягся. Не резко, но я заметила, как его рука сместилась ближе к кобуре.

- Объект? - переспросила я, прежде чем успела подумать.

Виктор Сергеевич посмотрел на меня так, будто в его идеальном мире младшие специалисты вообще не имели голосового аппарата.

- Роман Громов.

- Я поняла. Просто уточняю, это вы сейчас хотите вернуть его в камеру, после того как ваш же юрист сказал, что стены могут конфликтовать с моей кровью, а кто-то с ключом моего отца уже полез в контур?

- Светлова, - холодно произнёс он, - вы не обладаете достаточной компетенцией для оценки режима содержания.

- Зато я обладаю достаточным браслетом, чтобы понять, что если вы уведёте его обратно, мне станет плохо.

- Медицинский блок справится.

Громов сделал один шаг вперёд.

Всего один.

Но коридор сразу стал меньше.

Охрана сзади напряглась. Орлов повернул голову. Инесса Марковна резко сказала:

- Роман.

Он остановился, но взгляд с Виктора Сергеевича не убрал.

- Повтори, - сказал он.

Голос был тихий. Совсем. И вот от этой тишины по спине у меня прошёл холодок.

- Что именно? - спросил Виктор Сергеевич.

- Что медицинский блок справится.

- Я говорил о процедуре...
- Ты говорил о ней.
- Роман, - повторила Инесса Марковна. - Не здесь.
- Он собирается разорвать дистанцию и посмотреть, выдержит ли она.
- Никто не собирается, - сказал Виктор Сергеевич, но слишком быстро.

Я посмотрела на него внимательнее. До этого он был просто неприятным начальственным человеком, каких в любой структуре разводят пачками: сухих, самоуверенных, уверенных, что их должность - это форма интеллекта. Но теперь в его поведении появилось что-то другое. Он не просто был против выезда. Он давил именно сейчас, сразу после запроса через отцовский ключ, когда Инесса Марковна решила увозить нас из здания. Случайность? Сегодня с этим словом вообще стало плохо. Слишком много случайностей уже лежало на столе и притворялось протоколом.

- Виктор Сергеевич, - сказала я сладко, потому что когда мне страшно, у меня почему-то включается интонация продавщицы, которая сейчас убьёт клиента степлером. - А вы не скажете, почему вас так волнует возвращение Романа Владимировича в сектор именно сейчас?

- Потому что я отвечаю за безопасность изолятора.
- А за мою безопасность кто отвечает?
- Вы являетесь сотрудником Бюро.
- С самым низким допуском, которого почему-то отправили к нестандартной печати.
- Это уже выясняется.
- Уверена. Прямо вижу, как оно выясняется. Бежит по коридору с папочкой.

Он шагнул ко мне ближе, но Громов оказался между нами так быстро, что я даже не сразу поняла, как это произошло. Только что он стоял сбоку. В следующую секунду его плечо уже перекрывало мне половину обзора, а Виктор Сергеевич замер в метре от него.

Браслет на руке Громова коротко вспыхнул. Мой браслет ответил белым светом. Никакой боли. Наоборот, под кожей вдруг стало тихо и горячо, как будто контур одобрительно отметил: да, гарант закрыт, объект рядом. Меня от этой мысли передёрнуло. Я не вещь, чтобы меня закрывали. Но тело, предательское и юридически нестабильное, явно было довольным.

- Не подходи к ней, - сказал Громов.
- Она сотрудник Бюро, - ответил Виктор Сергеевич.
- Сейчас она гарант моего контура.
- Она не принадлежит тебе.

Громов чуть наклонил голову. Взгляд его стал очень спокойным. Очень нехорошим.

- А я этого не говорил.
- Тогда отойди.
- Нет.

Коридор будто перестал дышать. Я видела лицо Орлова. Он смотрел не на меня и не на Виктора Сергеевича, а на Громова. Как человек, который понимает: ещё секунда - и ситуация перейдёт из юридической в анатомическую.

Инесса Марковна шагнула между ними. Вот это было смело. Не красиво-героически, не театрально, а по-настоящему смело: встать между разозлённым альфой и человеком, который, возможно, был либо идиотом, либо частью чего-то хуже.

- Достаточно, - сказала она. - Решение комиссии утверждено. Выезд состоится. Виктор Сергеевич, если у вас есть возражения, оформите их письменно и направьте в старший круг. До получения ответа вы не имеете права менять режим первичного гаранта.

- Вы берёте ответственность на себя?
- Да.
- Полностью?
- Да.

Он смотрел на неё ещё несколько секунд. Потом перевёл взгляд на меня. Мне совсем не понравился этот взгляд. В нём не было ни раздражения, ни презрения, ни той бюрократической усталости, которую он демонстрировал до этого. В нём был расчёт. Короткий, холодный. Будто он увидел не человека, а переменную, которая внезапно повела себя не по формуле.

- Очень хорошо, - сказал он. - Тогда я оформлю особое мнение.

- Оформите, - ответила Инесса Марковна. - Павел Игоревич приложит к материалам.

Павел Игоревич, возникший где-то позади с планшетом, выглядел человеком, который мечтает приложить к материалам собственное заявление об уходе из жизни.

Виктор Сергеевич отошёл. Но прежде чем уйти, задержал взгляд на Громе.

- Если она пострадает, ты вернёшься в камеру. На этот раз без пересмотра.

Громов не ответил. Только смотрел ему вслед, пока тот не скрылся за поворотом.

Я выдохнула. Оказалось, что всё это время стояла с напряжёнными плечами и почти не дышала.

- Он мне не нравится, - сказала я.

- У тебя хороший вкус, - ответил Громов.

- В людях?

- В угрозах.

- А вы, конечно, сразу поняли, что он угроза?

- Нет.

- Правда?

- Сначала я понял, что он трус.

- А потом?

- Потом - что трусы иногда опаснее смелых.

Я хотела ответить что-нибудь резкое, но не нашлась. Потому что он был прав. Смелые хотя бы выходят на тебя лицом. Трусы предпочитают регламенты, чужие руки и удачный момент.

Инесса Марковна развернулась к нам.

- До выезда без разговоров. Оба. Особенно вы, Елизавета.

- Почему особенно я?

- Потому что Роман хотя бы понимает, когда молчание полезно.

- Неправда. Он только что едва не устроил...

- Он остановился, - перебила она. - А вы продолжаете.

Я закрыла рот. Не потому, что согласилась. Просто женщина с таким лицом могла заставить замолчать даже мою внутреннюю говорильню. На пару минут. Максимум.

Лифт оказался грузовым, с металлическими стенами и камерой в углу. Мы вошли внутрь странной плотной группой. Сначала охранник, потом Инесса Марковна, потом я, Громов, Орлов и ещё один охранник. Двенадцать метров, конечно, никто не нарушал, но мне всё равно было неуютно. В тесном пространстве присутствие Громова становилось почти физическим давлением. Я стояла к нему боком и смотрела на тусклые цифры этажей, пытаясь не думать о том, что его плечо совсем рядом. Очень взрослое поведение, особенно для человека, который час назад требовал обращаться к себе по имени-отчеству.

Лифт дёрнулся и поехал вниз.

- Вы когда-нибудь ездили в обычном лифте? - спросила я, чтобы не молчать.

Орлов сдавленно вздохнул.

Громов посмотрел на меня.

- До изолятора - да.

- Я имела в виду после.

- После изолятора я, как ты могла заметить, не был в торговом центре.

- Логично.

- Нервничаешь?

- Нет.

- Лиза.

- Хорошо. Да. Я еду в лифте с человеком, которого официально нельзя называть клеточным, потому что Павел Игоревич расстроится, а неофициально я всё ещё не уверена, что вы не сломаете этот лифт, если он вам не понравится.

- Лифт нормальный.

- Очень рада вашей технической экспертизе.

- Если застрянем, стену можно вскрыть.

- Вот! Вот именно об этом я и говорю!

Охранник у двери посмотрел на стену лифта с явным беспокойством. Орлов прошептал:

- Не провоцируйте его обсуждать вскрытие стен.

- Я не провоцирую. Он сам.

Громов чуть склонил голову.

- Она шумит, когда ей страшно.

- Я не шумлю.

- Шумишь.

- Это называется вербальная саморегуляция.

- Как скажешь.

- И не говорите со мной таким тоном.

- Каким?

- Будто вам нравится, что я шумлю.

Он не ответил. И это было хуже ответа. Потому что молчание в тесном лифте внезапно стало густым, почти ощутимым. Я почувствовала, как под браслетом снова теплеет кожа, и резко уставилась на цифры этажей. Минус первый. Минус второй. Минус третий. Сколько вообще подземных уровней нужно месту, где держат оборотней? Хотя нет. Не хочу знать. Абсолютно.

Лифт остановился на уровне подземного гаража. Двери открылись, и в нос ударил запах бетона, машинного масла, влажной пыли и холодного воздуха. После коридоров изолятора гараж показался почти свободой. Почти. Потому что свобода обычно не выглядит как колонны с рунами, бронированные машины и люди с оружием через каждые десять метров. В центре стояли две машины: чёрный внедорожник без номеров и серый микроавтобус группы сопровождения. У внедорожника уже проверяли днище, багажник, защитные контуры, двери, стёкла. Видимо, если Бюро не может предотвратить катастрофу, оно хотя бы умеет красиво подготовить транспорт для её продолжения.

- Светлова едет в первой машине, - сказала Инесса Марковна. - Роман рядом. Орлов спереди. Вторая машина - сопровождение.

- Я не поеду рядом с ним, - сказала я автоматически.

Браслет мигнул жёлтым.

- Поедете, - спокойно ответила Инесса Марковна. - Иначе поедете на капоте. Двенадцать метров.

- У вас ужасное чувство юмора.

- У меня его нет.

- Это заметно.

Громов открыл заднюю дверь внедорожника и отступил, пропуская меня первой. Я посмотрела на него с подозрением.

- Что?

- Ничего.

- Вы дверь открыли.

- Да.
- Зачем?
- Чтобы ты села.
- Я умею открывать двери.
- Не сомневаюсь.
- Тогда почему?

Он посмотрел на меня так, будто вопрос был странным.

- Потому что так быстрее.

Конечно. Никакой галантности. Никакого «после вас, Елизавета Андреевна». Просто быстрее. Отлично. Я села в машину, стараясь не задеть его, не удариться головой и вообще вести себя как человек, который регулярно садится в бронированные внедорожники вместе с альфами на временном освобождении. Получилось средне. Громов сел рядом. Машина заметно просела. Я очень старалась не замечать.

Орлов устроился на переднем пассажирском сиденье, водитель молча проверил зеркало, двери заблокировались. Громов сразу повернул голову к окну, но плечом всё равно занимал слишком много заднего ряда. Между нами оставалось, наверное, полметра. Смешное расстояние. Для обычной поездки - достаточно. Для поездки с человеком, которого твоя кровь только что вынула из камеры, - издевательски мало.

- Ремень, - сказал Громов.
- Не командуйте.
- Пристегнись.
- Я сказала...

Он молча указал взглядом на моё плечо. Я посмотрела вниз. Ремень действительно не был пристёгнут. Прекрасно. Теперь ещё и прав.

- Я собиралась, - буркнула я.
- Конечно.
- Просто проверяла, заметите ли вы.
- И как?
- Навязчивый.
- Живой.

Я пристегнулась с таким видом, будто ремень лично обидел мою независимость. Машина тронулась. Мы проехали через внутренний контур гаража, потом через первый пост, где охранник сверил лица, документы, браслеты, уровень сигнала и, кажется, наши души. Потом второй пост. Потом ворота начали медленно открываться. Толстые металлические створки расходились в стороны, выпуская нас из брюха «Северного контура».

Громов смотрел на открывающийся проезд. Не моргал.

Я сначала хотела съязвить. Что-нибудь про свежий воздух, торжественный момент, ленточку перерезать. Но слова не вышли. Потому что вдруг стало понятно: человек рядом со мной впервые за три года выезжает за пределы места, где его держали, подавляли, охраняли, изучали и называли объектом. И делает это не свободным. Не оправданным. Не возвращённым в жизнь. А привязанным к младшему специалисту, которую кто-то, возможно, специально подставил под древнюю печать.

Ворота открылись. Машина выехала наружу.

Громов вдохнул.

Едва заметно. Но я услышала. Или почувствовала. Не знаю. Он просто вдохнул воздух за пределами изолятора, и в этом вдохе было больше, чем в половине всех речей, которые я слышала от начальства за восемь месяцев работы. Он не улыбнулся. Не сказал ничего. Только пальцы на его колене сжались на секунду, а потом разжались.

Я отвернулась к своему окну. Почему-то смотреть на него в этот момент казалось неприличным.

Снаружи был день. Обычный холодный день с низким небом, мокрым асфальтом, серыми обочинами и голыми деревьями вдоль дороги. Машина сопровождения шла позади. Водитель держал скорость ровно. Орлов периодически переговаривался с диспетчером короткими фразами. Я сидела и смотрела, как за окном проплывают заборы, склады, пустые остановки, редкие машины, и не могла отделаться от ощущения, что мир выглядит слишком нормальным для того, что происходит. Ему бы хотя бы бурю. Чёрные птицы. Трещину в небе. Но нет. Просто дорога, ямы, грязь и рекламный щит с доставкой роллов.

- Ты молчишь, - сказал Громов минут через десять.

- Наслаждайтесь. Редкий момент.

- Неестественно.

- Что именно?

- Ты молчишь, когда страшно.

- Я могу разнообразить.

- Не надо.

- Вот видите.

Он повернул голову к окну.

- Спасибо.

Я посмотрела на него.

- За что?

- Что молчишь.

- Ах вот как.

- И что не сказала ничего у ворот.

Я тоже отвернулась.

- Я не совсем безнадёжна.

- Нет.

Одно слово. Простое. Слишком серьёзное. Не «нет, не безнадёжна» в шутку, не снисходительно. Просто нет. И опять я не нашлась, что ответить. С ним это начинало происходить подозрительно часто. Надо будет завести отдельную жалобу: «Объект нарушает мои речевые реакции».

Мы въехали в город примерно через двадцать минут. Сначала промзона, потом многоэтажки, потом магазины, пешеходы, автобусы. Обычная жизнь подбиралась к машине со всех сторон, не подозревая, что внутри сидит женщина с активной парной совместимостью и оборотень, которого выпускали из клетки под её ответственность. На светофоре рядом остановилась маршрутка. В окне напротив сидела бабушка в вязаной шапке и с пакетом из аптеки. Она посмотрела на Громова. Очень внимательно. Потом перекрестилась. Я не выдержала и тихо фыркнула.

Громов повернул голову.

- Что?

- Ничего. Вас только что одобрила православная экспертиза.

Он посмотрел в окно, увидел бабушку, которая теперь старательно смотрела вперёд, и едва заметно усмехнулся.

- Не первый раз.

- Бабушки часто крестятся при виде вас?

- Иногда.

- А дети?

- Дети обычно смотрят.

- Почему?

- У них меньше социальных фильтров.
- Или больше здравого смысла. Видят большого страшного мужика и думают: «Ого».
- Ты тоже так подумала.
- Я сотрудник Бюро. Я подумала: «Уровень риска красный, контакт через защитный контур».

- И увеличила фото.

Я резко повернулась.

- Что?

Он смотрел на дорогу.

- Когда смотрела дело. Ты увеличила фото.

Я почувствовала, как лицо становится горячим.

- Откуда вы знаете?

- У тебя зрачки расширились, когда ты увидела меня в камере. Не как у человека, который впервые видит лицо.

- Может, я просто была напугана.

- Была. Но не только.

- Вы невыносимы.

- Уже третий раз.

- Буду повторять, пока не подействует.

- Не подействует.

- Тогда из принципа.

Орлов на переднем сиденье очень старался быть мебелью. У него почти получалось.

- И вообще, - продолжила я, потому что отступать было поздно, - я увеличивала фото в рабочих целях.

- Конечно.

- Для идентификации.

- Лицо было мелкое.

- Да.

- Особенно борода.

- Всё, хватит.

Он всё-таки улыбнулся. Я отвернулась к окну и попыталась сохранять достоинство. Получилось примерно как у мокрой кошки, которая упала в ванну, но делает вид, что так и планировала.

Мой район находился не в центре и не на самой окраине. Обычные двадцатипятиэтажки, детская площадка с облезлой горкой, продуктовый на первом этаже, аптека, двор, где всегда кто-то неправильно паркуется и все друг друга за это ненавидят. Когда мы свернули к дому, я вдруг почувствовала странный укол стыда. Не острого, не разумного. Просто рядом с Громовым моя обычная жизнь показалась слишком маленькой. Маленькая квартира, маленькая кухня, кот с характером старого тирана, соседка, которая знает чужие графики лучше камер наблюдения, неоплаченная коммуналка, сумка на стуле, бельё на сушилке, чашка в раковине. Всё то, что ещё утром было нормальным, теперь должно было выдержать вторжение человека из мира камер, стай, старых дел и крови.

- Это здесь? - спросил Орлов, сверяясь с адресом.

- Да. Третий подъезд.

Громов смотрел на двор.

- Много входов.

- Дом жилой. Люди любят входить в места, где живут.

- Подъезды сквозные?

- Нет.

- Камеры?

- На входе и у лифта. Но половина времени они не работают, потому что управляющая компания считает, что безопасность - это чувство, а не услуга.

- Двор просматривается плохо.

- Вы уже планируете оборону?

- Да.

Я посмотрела на него.

- Вы не шутите.

- Нет.

- Это моя квартира, не крепость.

- Теперь крепость.

- Барсик будет главным гарнизоном.

- Посмотрим.

Машина остановилась у подъезда. Вторая встала чуть дальше. Из неё вышли двое сотрудников сопровождения в гражданской одежде, но с таким видом, что даже местные подростки на лавочке сразу перестали делать вид, что они бессмертные. Орлов вышел первым, оглядел двор. Громов открыл дверь со своей стороны, вышел и только потом открыл мою. Я посмотрела на протянутую дверь, потом на него.

- Вы опять.

- Быстрее.

- У вас всё быстрее.

- Пока да.

Я выбралась из машины. Холодный воздух ударил в лицо, и вместе с ним пришла обычная дворовая смесь запахов: влажный асфальт, мусорные баки, жареный лук из чьей-то квартиры, бензин, весенняя грязь. Дом стоял как ни в чём не бывало. У подъезда висело объявление о ремонте водопровода, которое уже месяц никто не снимал. На лавочке сидел сосед с пятого этажа и курил, делая вид, что он не рассматривает Громова. Получалось ужасно. Валентина Степановна из первого этажа, конечно, уже была у окна. Штора дрогнула. Я мысленно попрощалась с репутацией. Хотя какая у меня репутация? После сегодняшнего дня пусть лучше обсуждают бородастого мужчину, чем магическую привязку.

- Это он? - спросил Орлов тихо, глядя на домофон.

- Кто?

- Ваш дом.

- Да. Не кусается. Обычно.

Громов подошёл к двери подъезда и замер.

- Что? - спросила я.

- Запах.

Я напряглась.

- Какой?

Он медленно повернул голову к лестнице, потом к двери, потом к окнам первого этажа.

- Чужие были.

- У нас тут сто квартир. Здесь всегда чужие.

- Не жилцы.

У меня под кожей стало холодно.

- Когда?

- Недавно.

Орлов сразу изменился. Исчез усталый сопровождающий, появился лейтенант спецподразделения.

- Сколько?

- Двое. Может трое. Один с металлом. Один пахнет аптекой. Ещё... - Громов нахмурился.
- Серебро.

- Серебро? - переспросила я.

- Да.

- Может, у кого-то украшения?

Он посмотрел на меня.

- Серебро для оружия пахнет иначе.

Вот именно таких бытовых знаний мне сегодня не хватало.

Орлов передал что-то по рации. Сотрудники сопровождения подошли ближе. Один из них достал устройство проверки замков. Я стояла у машины и смотрела на свой подъезд так, будто видела его впервые. Ещё утром это был просто мой подъезд. Грязный коврик, треснувшая плитка, запах кошачьего корма от соседской двери, лифт, который иногда застревает между восьмым и девятым. Теперь это был возможный объект проникновения. Потенциальная угроза. Место, где кто-то мог искать меня ещё до того, как я сама поняла, что стала нужна.

- Барсик, - выдохнула я.

Громов сразу посмотрел на меня.

- Он в квартире?

- Да.

- Ключи.

- Что?

- Дай ключи.

- Нет.

- Лиза.

- Это моя квартира.

- Поэтому ты неходишь первой.

- А вы входите? Вы, которого только что выпустили из камеры?

- Да.

- Прекрасный план. Если там кто-то есть, вы будете драться, а я буду стоять внизу и заполнять акт о повреждении ламината?

- Примерно.

- Нет.

Орлов вмешался:

- Светлова, порядок такой: сначала группа проверяет подъезд и квартиру. Вы остаётесь здесь.

- А если с котом что-то случилось?

- Мы проверим.

- Кот не знает вашу группу.

- А меня знает? - спросил Громов.

- Вот именно!

Браслет мигнул жёлтым. Я, не заметив, отступила от него слишком далеко. Он сделал шаг ближе, и свет снова стал белым. Это было окончательно унижительно: даже в споре с людьми, которые не пускают меня к собственному коту, магическая привязка напоминала, где моё место. Рядом с ним. Рядом с проблемой.

- Я пойду с ними, - сказал Громов.

- Нет, - одновременно сказали Орлов и я.

Громов посмотрел сначала на него, потом на меня.

- Если там серебро, ваша группа может не почувствовать ловушку.

- А вы почувствуете?

- Да.

- И что, вы теперь специалист по моему подъезду?

- С сегодняшнего дня - да.

- Ненавижу эту фразу.

Орлов думал всего пару секунд. Потом кивнул одному из сотрудников сопровождения.

- Громов идёт первым, но на дистанции. Светлова - у входа, не дальше десяти метров от него. Я с ней. Остальные - зачищают подъезд и квартиру.

- Зачищают, - повторила я. - Какой замечательный глагол для места, где у меня тапочки с котиками.

- Тихо, - сказал Громов.

И вот это «тихо» было другим. Не раздражённым, не покровительственным. Рабочим. Резким. Я замолчала. Потому что увидела, как он повернул голову к двери подъезда и чуть приподнял подбородок, втягивая воздух. Его глаза стали холоднее. Черты лица будто заострились. В этот момент в нём снова не было почти ничего бытового. Ни сэндвича, ни разговора про котика, ни странной осторожности, с которой он держал мою руку. Только хищник у чужой норы.

Домофон открыли универсальным ключом сопровождения. Дверь тихо щёлкнула. Громов вошёл первым. Я, Орлов и ещё двое - следом. В подъезде пахло как всегда: пыль, старая краска, чья-то тушёная капуста, влажные коврики. Но теперь я пыталась почувствовать то, что чувствовал он. Серебро. Аптеку. Чужих. Разумеется, ничего не получалось. Я была обычным человеком, чей главный сенсорный талант заключался в способности найти в холодильнике испорченный йогурт по подозрительному виду.

На первом этаже приоткрылась дверь Валентины Степановны.

- Лизонька? - раздался её голос. - Это ты? А что это у вас?..

Громов повернул голову.

Дверь тут же закрылась.

Я вздохнула.

- Поздравляю. Вы победили Валентину Степановну. Это почти уровень босса.

- Она боится, но любопытная, - сказал он.

- Это её жизненное кредо.

Мы поднялись по лестнице, потому что лифт Громов отнёс одним взглядом. Моя квартира была на шестом. На третьем этаже он остановился. Резко. Поднял руку, и все замерли. Я тоже, хотя понятия не имела почему.

- Что? - шепнула я.

Он посмотрел вверх, в пролёт.

- Здесь ждали.

Орлов жестом отправил одного сотрудника выше. Тот поднялся на несколько ступеней, проверил площадку, потом кивнул.

- Чисто.

Громов присел рядом с перилами и провёл пальцами по внутренней стороне металлической стойки. Потом поднёс пальцы к носу. Я видела только его профиль, но по тому, как напряглась челюсть, поняла: ничего хорошего.

- Что там? - спросил Орлов.

- Масло. Для глушителя контура.

- Свежий след?

- Да.

- Что такое глушитель контура? - спросила я.

Никто не ответил.

- Я обожаю, когда никто не отвечает. Это всегда значит, что ответ прекрасный.

Громов поднялся.

- Устройство, которое могло временно сбить браслеты и связь. Если бы ты вошла одна, тебя можно было бы увести без сигнала тревоги.

Слова были сказаны спокойно. А у меня внутри всё ухнуло вниз.

- Увести, - повторила я.

- Да.

- Из моего подъезда?

- Да.

- Среди бела дня?

- Для этого и глушитель.

Я прислонилась к стене. Краска была холодная и шершавая. Мир вокруг снова стал слишком обычным для того, что происходило. Где-то за дверью лаяла маленькая собака. На площадке пахло жареной рыбой. Снизу кто-то хлопнул дверью подъезда. А на внутренней стороне перил моего дома кто-то оставил масло для устройства, которым меня можно было вытащить из жизни, как папку из шкафа.

Громов оказался рядом, но не касался.

- Дыши.

- Я уже говорила, не учите меня пользоваться лёгкими.

- Сейчас можно.

Я хотела ответить, но вместо этого действительно вдохнула. Потом ещё раз. Его присутствие рядом раздражало и одновременно удерживало. Как поручень на лестнице: можно злиться на то, что он холодный и неудобный, но если под ногами качается, всё равно хвататься.

- Кто мог это сделать? - спросила я.

- Тот, у кого есть доступ к старым контурам и кто знал твой адрес.

- Мой адрес есть в личном деле Бюро.

- Да.

- То есть круг подозреваемых - все, у кого в Бюро есть доступ к личным делам?

- Начнём с тех, кто отправил тебя ко мне.

Маргарита Павловна. Снова её лицо. Снова фраза «не геройствуй». Я пыталась вспомнить, было ли в её поведении утром что-то странное. Да всё было странное. Но у нас работа такая, что странное давно стало канцелярским фоном.

- Она не могла, - сказала я, но прозвучало неубедительно.

- Почему?

- Потому что... не знаю. Она вредная, сухая, ужасная, может заставить человека плакать над неправильно заполненным актом, но это не значит, что она похищает сотрудников.

- Не значит.

- Вот.

- И не исключает.

Ненавижу логику, когда она не на моей стороне.

Мы поднялись выше. На пятом этаже браслет вдруг коротко мигнул. Не красным, как в изоляторе, а тускло-жёлтым. Громов остановился и посмотрел вверх. Моя дверь была этажом выше. Сотрудники сопровождения поднялись первыми, проверили площадку, потом один из них наклонился к замку моей квартиры.

- Следы вскрытия, - сказал он.

Меня будто ударили.

- Что?

Орлов придержал меня за плечо, потому что я дёрнулась вперёд.

- Стоять.

- Это моя дверь!

- Именно поэтому стоять.

Громов подошёл к двери и наклонился. Ноздри чуть дрогнули. Взгляд стал совсем чёрным.

- Были внутри.

- Барсик, - сказала я и попыталась вырваться.

Орлов удержал. Не грубо, но крепко.

- Светлова.

- Отпустите! Там мой кот!

Громов посмотрел на меня через плечо.

- Я найду.

- Вы не знаете, как он выглядит!

- Пахнет тобой.

Это было настолько невыносимо, что я даже не успела смутиться. Только кивнула, потому что в горле встал ком. Он взял у меня ключи. На этот раз я не спорила. Дверь открыли медленно, без звука. Первый вошёл сотрудник сопровождения, за ним Громов, потом второй. Я стояла на площадке, сжимая перила так, что заболели пальцы. Браслет мигал жёлтым, потому что Громов ушёл дальше в квартиру, но расстояние ещё терпело. В груди тянуло. Не больно. Предупреждающе.

Секунды тянулись мерзко долго.

Внутри было тихо.

Слишком тихо.

Потом из квартиры донёсся низкий голос Громова:

- Чисто. Кот жив.

У меня подкосились ноги. Орлов опять удержал меня.

- Жив, - повторила я.

- Жив.

- Пустите.

Орлов подождал подтверждающего жеста от сотрудника у двери и только потом отпустил. Я вошла в квартиру почти бегом. И остановилась на пороге.

Моя квартира была перевёрнута.

Не полностью разгромлена, нет. Не так, как в кино, где вещи летят по комнате, ящики выдернуты, подушки распороты, а на стене кровью написано «мы рядом». Всё было гораздо хуже, потому что аккуратнее. Шкафы открыты. Папки с документами на полу. Книги сняты с полки и сложены стопками. Ящик письменного стола выдвинут, но не перевёрнут. Ноутбук на месте. Телевизор на месте. Деньги из кружки у зеркала - тоже на месте. Искали не ценности. Искали что-то конкретное.

Барсик сидел на верхней кухонной полке, куда обычно не залезал даже под страхом пылесоса, и смотрел на всех глазами оскорблённого императора. Серый, толстый, с белой грудкой и выражением вечного недовольства. Увидев меня, он издал хриплый звук, в котором одновременно были обвинение, жалоба и требование немедленной компенсации паштетом.

- Барсик! - Я бросилась к нему.

Он не спустился. Конечно. Сначала надо было показать, как сильно он страдал. Я поставила стул, сняла его с полки, прижала к себе. Он упёрся лапами мне в плечо, сделал вид, что сопротивляется, потом всё-таки уткнулся мордой в шею и загудел как маленький трактор. И вот тут меня почти накрыло. Не в изоляторе, не при открытой камере, не когда я узнала про отцовский ключ. А здесь. В собственной кухне, среди открытых шкафов, с котом на руках. Потому что до этого всё происходило в чужих стенах, в мире Бюро, Громова, печатей и протоколов. А теперь чужие руки пришли ко мне домой. Туда, где я оставляла кружку в раковине, ругалась с котом и думала, что хотя бы здесь всё моё.

Громов стоял у входа в кухню и не заходил дальше. Слишком большой для моей маленькой кухни. Слишком чужой для неё. Но сейчас он почему-то выглядел менее чужим, чем следы тех, кто рылся в моих вещах.

- Что они искали? - спросила я глухо.

Сотрудник сопровождения вышел из комнаты.

- Техника не тронута. Деньги на месте. Проверяли документы, книги, личные вещи. Следов установки взрывных устройств нет. Магических меток пока не выявлено, но нужен полный скан.

- Они искали что-то от отца, - сказал Громов.

Я подняла на него глаза.

- Почему?

- Запрос шёл его ключом. Адрес взяли из твоего дела. Здесь искали то, что могло остаться у тебя.

- Но у меня ничего нет.

- Ты уверена?

- У меня от отца осталась старая фотография, несколько книг и куртка, которую мама хотела выбросить десять лет назад.

- Где книги?

Я медленно посмотрела в сторону комнаты.

- На полке.

Мы прошли туда. Вернее, я прошла, всё ещё держа Барсика, а Громов вошёл следом, пригнувшись в дверном проёме так, будто моя квартира была построена для людей, а не для ходячих гор. Комната выглядела как место, где аккуратный вор пытался оставаться вежливым. Книги с нижней полки были сняты. Старые папки раскрыты. Коробка с фотографиями стояла на полу. Я присела рядом, всё ещё чувствуя, как Барсик нервно впирается когтями в мою кофту.

- Вот, - сказала я, указывая на стопку. - Это отцовские. Технические справочники, пара книг по старым контурам, какая-то скучная ерунда про межвидовые соглашения. Я их почти не открывала.

Громов опустился на корточки. Даже так он выглядел огромным. Взял одну книгу, пролистал, потом вторую. Его пальцы двигались осторожно, неожиданно аккуратно для таких рук. Он не рвал страницы, не хватал грубо, а будто уважал старые вещи просто потому, что они могли что-то помнить.

- Эту смотрели, - сказал он, беря книгу в тёмно-синей обложке.

- Как вы поняли?

- Пыль на срезе нарушена. Страницы листали недавно.

- Может, я.

Он посмотрел на меня.

- Ты читала «Преемственность родовых ограничителей в постстайном праве»?

- Ладно. Не я.

Он открыл книгу примерно в середине. Между страницами ничего не было. Потом пролистал к концу. На внутренней стороне обложки под углом виднелась тонкая царапина.

Громов провёл по ней пальцем.

- Здесь был вкладыш.

- Какой?

- Тонкий. Возможно, карта. Или ключевая пластина.

- Его забрали?

- Да.

Я села на пол прямо среди книг. Барсик тяжело перелез мне на колени, всё ещё бурча. В голове было пусто. Отец оставил что-то в книге, которую я годами таскала с квартиры на

квартиру и ни разу толком не открыла. Кто-то знал. Кто-то пришёл и забрал. А я даже не понимала, что потеряла.

- Я идиотка, - сказала я.

Громов поднял взгляд.

- Нет.

- Да. У меня это лежало дома, а я даже не знала.

- Именно поэтому оно и лежало.

- Что?

- Если бы ты знала, тебя бы нашли раньше.

Я посмотрела на него. Хотела возразить, но не смогла. Барсик потёрся головой о мою руку. Я автоматически погладила его по спине.

- Вы думаете, отец специально спрятал это у меня?

- Думаю, он спрятал так, чтобы никто не подумал искать у ребёнка.

- Я уже не ребёнок.

- Тогда была.

Слова были простые, но болезненные. Тогда была. Тогда я действительно была ребёнком, которому никто ничего не объяснил. Только взрослые лица, закрытые двери, мамино «не спрашивай», отцовские книги в коробке, ощущение, что тебя не посвятили не потому, что берегли, а потому что ты не имела значения. И вот теперь оказалось, что, может быть, берегли. Или использовали как тайник. Или и то и другое. Прекрасная семейная традиция: любить так, чтобы потом человек разобрался с последствиями через десять лет в компании альфы-рецидивиста.

- Надо уходить, - сказал Орлов из дверей.

Я подняла голову.

- Что?

- Квартира скомпрометирована. Здесь нельзя оставаться.

- Но комиссия сказала...

- Комиссия не знала про взлом, - ответил он. - Сейчас будет служебная квартира.

Громов не согласился сразу.

- Нет.

Орлов посмотрел на него устало.

- Опять?

- Служебная квартира под контролем Бюро. Если ключ Светлова активен в системе, нас там будут ждать.

- А здесь уже были.

- Поэтому не здесь и не служебная.

- Куда?

Громов посмотрел на меня.

- Есть место.

- У вас? - спросила я.

- Да.

- У вас есть место? После трёх лет в изоляторе?

- Не квартира. Старый дом стаи. Его нет в документах Бюро.

Орлов покачал головой.

- Это невозможно согласовать.

- Тогда не согласовывай.

- Громов.

- Лейтенант, - сказал он тихо, - в её квартире уже были. В изоляторе её пытались считать через ключ отца. Служебный адрес дадут те же люди, у которых был её личный адрес. Хочешь вести её туда?

Орлов молчал. Я видела, как он борется с протоколом. Протокол у него был в крови, в форме, в привычке стоять прямо. Но реальность сегодня с протоколом обращалась примерно так же, как Барсик с новой когтеточкой: посмотрела, понюхала и демонстративно ободрала диван.

- Инесса Марковна должна решить, - сказал он наконец.

- Пусть решает быстро, - ответил Громов.

Я поднялась с пола, прижимая Барсика к себе.

- Подождите. Я никуда не поеду в какой-то старый дом стаи, который «не в документах Бюро». Это звучит как начало истории, где героиню находят в лесу через три серии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.